

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Таньшина Н.П.

**Российско-французские отношения эпохи
Николая I и Луи-Филиппа: исторические уроки**

Москва 2018

Аннотация. В работе предпринят компаративный анализ государственной деятельности императора Николая I и короля Луи-Филиппа Орлеанского, а также взаимоотношения России и Франции в годы царствования Николая I и существования во Франции режима Июльской монархии (1830-1848). Эти годы явились одним из сложных периодов взаимоотношений, что было связано с неприятием Николаем I режима, рожденного Июльской революцией. Вместе с тем, это был первый опыт взаимодействия и мирного сосуществования самодержавной России и либеральной Франции. В работе предпринят анализ взаимодействия государств с различным политическим строем и идеологией в условиях многополярного мира в рамках «европейского концерта» и Венской системы.

Объектом исследования являются российско-французские отношения в годы правления императора Николая I и короля Луи-Филиппа Орлеанского; взаимные представления и стереотипы взаимного восприятия, межкультурный диалог между странами с разными политическими режимами.

Abstract. The work is dedicated to the comparative analysis of the state activities of Emperor Nicholas I and King Louis-Philippe of Orleans, as well as to the relationships between Russia and France during the reign of Nicholas I and the existence of the regime of the July monarchy in France (1830-1848). These years were one of the most difficult periods of the relationships, which was due to the rejection of Nicholas I the regime, caused by the July Revolution. At the same time, it was the first experience of interaction and peaceful coexistence of autocratic Russia and liberal France. The article analyzes the interaction of states with different political systems and ideologies in the conditions of a multipolar world within the framework of the "European concert" and the Vienna system.

The object of the study is Russian-French relations during the reign of Emperor Nicholas I and King Louis-Philip of Orleans, mutual representations and stereotypes of mutual perception, intercultural dialogue between countries with different political regimes.

Таньшина Н.П. профессор кафедры всеобщей истории ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Раздел 1. Николай I и Луи-Филипп Орлеанский: двойной портрет.....	6
1.1. Николай и Луи-Филипп в исторической памяти.....	6
1.2. Детство и юность. Взросление.....	8
 Раздел 2. Начало правления Николая I и Луи-Филиппа. Легитимация власти.....	16
2.1. Восстание декабристов и Июльская революция.....	16
2.2. Надежды и разочарования. Реформы первых лет царствования.....	18
2.3. Монархи у кормила власти: стиль и правила правления.....	21
Раздел 3. Взаимные представления и стереотипы восприятия.....	25
3.1. Между русофобией и галломанией.....	25
3.2. Три взгляда на Францию: П.А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин.....	27
 Раздел 4. Российско-французские отношения в годы Июльской монархии.....	35
4.1. Июльская революция: от непризнания к признанию.....	35
4.2. Российские дипломаты во Франции.....	38
4.3. Французские дипломаты в Петербурге.....	42
Раздел 5. Политика «европейского концерта» и российско-французские отношения..	48
5.1. Венская система международных отношений: у истоков формирования многополярного мира.....	48
5.2. Николай I: между рыцарскими идеалами и «реальной политикой».....	54
Раздел 6. Финал.....	59
6.1. 1848 год: крушение Июльской монархии и отречение Луи-Филиппа.....	59
6.2. Крымская война и смерть Николая I.....	63
Заключение.....	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	67

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей работе применяют следующие термины с соответствующими определениями:

«Великие державы»	- пятерка европейских лидеров: Великобритания, Франция, Пруссия, австрийская империя, Россия, составлявшие «европейский концерт»;
Движение	- французский фланг либералов левого направления, настаивавших на дальнейшей политике реформизма после революции 1830 г.;
Европейский концерт	- политика европейских государств, направленная на поиск мирного разрешения возникающих международных конфликтов;
Орлеанизм	- французский либерализм в годы Июльской монархии; назван по имени правящей Орлеанской династии
Соппротивление	- французский фланг либералов правого направления, выступавших за действия в рамках компромисса 1830 г.;

ВВЕДЕНИЕ

Россия и Франция являются не только ключевыми игроками в международном политико-дипломатическом пространстве, но и странами с особым культурно-историческим и цивилизационным наследием. Между тем, российско-французские отношения 1830-1840-х гг. остаются почти неисследованной темой в исторической науке. В советское время отсутствие интереса к данной проблеме во многом это было связано с тем, что сам период Июльской монархии рассматривался как некое промежуточное звено, переходный этап между революциями и империями, когда не было достигнуто значимых позитивных результатов (за исключение экономического роста), а напротив, зрели причины для очередного революционного взрыва.

Годы, пришедшиеся на правление императора Николая I в России и короля Луи-Филиппа во Франции явились одним из сложных периодов взаимоотношений, что было связано с неприятием Николаем I режима, рожденного Июльской революцией. Исходя из этого, научную важность представляет изучение опыта взаимодействия и мирного сосуществования государств с различным политическим строем и идеологией в условиях многополярного мира в рамках «европейского концерта». Современная формирующаяся система международных отношений напоминает Венскую систему, а французский вариант умеренного либерализма весьма созвучен современным тенденциям конвергенции либеральной и консервативной идеологий.

1. Николай I и Луи-Филипп Орлеанский: двойной портрет

1.1 Николай и Луи-Филипп в исторической памяти

И Николая I, и Луи-Филиппа как современники, так и потомки оценивали крайне противоречиво, что во многом было связано с неоднозначностью восприятия самих периодов существования во Франции режима Июльской монархии (1830—1848), а в России — времени правления императора Николая I (1825—1855), эпохи, последней именовавшейся по имени царя. А Луи-Филипп стал последним французским королем.

Луи-Филиппа не любили как его современники, так и последующие поколения соотечественников. Современники — потому, что Луи-Филипп всего лишь позволил Франции стать богатой и процветающей, а им, между тем, очень хотелось реализовывать свои широкомасштабные амбиции в духе Наполеона I. Луи-Филипп, умевший нравиться, и всегда пользовавшийся расположением толпы, далеко не всегда был в милости у нации и в массовом сознании остался в своем карикатурном образе как король, превращающийся в грушу.

«Политика, более семейная, нежели национальная» [3, т. 4, с. 18], — писал о царствовании Луи-Филиппа его знаменитый современник и добрый знакомый Виктор Гюго. «Две страсти губят его достоинство: чрезмерная любовь к собственным детям и ненасытная жажда богатства; обе они будут беспрестанно помрачать его рассудок», — так отзывался о правлении Луи-Филиппа не менее известный и талантливый современник Франсуа-Рене де Шатобриан [4, с. 552]. Подобные упреки Луи-Филиппа в осуществлении династической политики, пренебрежении национальными интересами Франции были весьма распространены во французском обществе. Короля обвиняли в том, что он «был скромнен во имя Франции», и что в нем «слишком громко говорило отцовское чувство» [3, с. 18-19].

Очень точно суть отношения французов к политике Луи-Филиппа была отражена французским литератором, воспитателем, а затем секретарем сына короля герцога Омальского А. Кювийе-Флери, который писал: «Это был хороший политик, человек серьезный и положительный, очень активный и предусмотрительный, стремившийся править согласно законам и говоривший людям: «Живите спокойно, будьте трудолюбивы, торгуйте, обогащайтесь, будьте свободными, уважая свободу и не потрясая государство». Король, который говорит подобным языком, который требует от народа только того, чтобы быть счастливым, который не предлагает ему никаких экстраординарных спектаклей, никаких эмоций, — и это легитимный король свободной нации! И подобный режим длился восемнадцать лет? Не слишком ли?!» [5, р. 225]

Досталось Луи-Филиппу и от историков. Не только самому королю, но и периоду Июльской монархии, который долгое время рассматривался исследователями как некий промежуточный этап между революциями, войнами и империями, когда не было достигнуто важных позитивных завоеваний, а только зрели причины для очередного революционного кризиса. Соответственно, вся ответственность за Февральскую революцию 1848 г. возлагалась именно на короля Луи-Филиппа и его окружение. Короля упрекали в том, что, как настоящий буржуа, он больше заботился о благосостоянии своей семьи, приумножал свое личное состояние, став одним из богатейших людей Франции, однако в отношении рядовых французов считал, что это личное дело каждого. Умеренная внешняя политика Луи-Филиппа также воспринималась и простыми обывателями, и историками как слабая, антинациональная и проанглийская. И только в последние пятьдесят лет годы Июльской монархии стали анализироваться исследователями как важный этап формирования современных политических институтов Франции, время становления конституционализма, либеральных правовых норм, парламентаризма. Годы правления Луи-Филиппа явились периодом высокой деловой активности, институциональной стабильности и внешнего мира. По словам французского исследователя Ги Антонетти, Луи-Филипп был умным человеком, он мог стать великим королем, но дело было в том, что Франция не хотела больше королей, ни бесславных, ни великих [6, р. 948]. Между тем Луи-Филипп очень хотел быть королем, королем настоящим и великим. В целом же можно сказать, что в исторической памяти он в значительной степени реабилитирован.

Сходная ситуация наблюдается и в отношении императора Николая Павловича, которому досталось и от современников, и от потомков. Личность императора оценивалась очень противоречиво. «Царь-Христианин», «Раб своих монарших обязанностей», «Вечный работник на троне», «Первый в нашу эпоху представитель самодержавия», «Муж высшего разума», «Незабвенный» (пусть и переделанное оппонентами в «Неудобозабываемый») и т. п. [7, с. 3] для одних, «Николай Палкин», «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира», «коронованный барабанщик», «коронованный палач», «страж абсолютизма», тюремщик русской свободы», «жандарм Европы», «польского края зверский мясник» — для других. Западноевропейская революционная публицистика и поэзия всегда рисовала образ Николая как душителя демократии, «кровожадного медведя», стремившегося «запустить свои когти в Европу» [7, с. 14].

Личность Николая I и время его царствования единодушно защищались и одобрялись консерваторами и столь же единодушно подвергались нападкам либералов, а

уж тем более революционеров. В подобном единодушии обеих сторон важную роль сыграли прежде всего Великие реформы 1860—1870-х гг., последовавшие вскоре после смерти императора. В этот переломный для России момент консерваторы всячески пытались напомнить его сыну Александру II о заветах отца, а либералы из всех сил старались внушить новому монарху мысль о том, что пренебрежение общественным мнением, тотальное огосударствление страны ведет к застою во всех сферах этой жизни и к краху правительственной политики [7, с. 3-4].

Привычные стереотипы и традиционные штампы зачастую оказываются неадекватными исторической реальности. Только в последние годы стали появляться более взвешенные оценки личности и деятельности этого государя. В современной отечественной историографии правление Николая I получило более объективную оценку, а образ самодержца, уже не символа, а человека, с его достоинствами и недостатками, стал более многогранным и приближенным к реальности. Сегодня большинство историков, литературоведов, искусствоведов, занимающихся николаевской эпохой, считает, что царствование Николая I являлось временем, подготовившим эпоху Великих реформ 1860-х гг. Умеренный консерватизм Николая I, выступавшего за «реформы сверху», способствовал этому эволюционному процессу [8, с. 62].

1.2 Детство и юность

Казалось бы, маленький Луи-Филипп и Николай воспитывались совсем в разных условиях, с применением разных стратегий воспитания. Однако при более внимательном анализе в детском опыте обоих монархов просматриваются весьма сходные черты.

Отцы обоих ушли из жизни трагически: герцог Филипп Орлеанский, перешедший на сторону Революции, отказавшийся от своего титула и ставший «гражданином Эгалите», голосовавший за казнь Людовика XVI, в итоге 6 ноября 1793 г. сам был гильотинирован якобинцами как «враг народа». Император Павел I был убит заговорщиками. Герцог Орлеанский к моменту казни отца был уже взрослым, самостоятельным человеком, который сам едва избежал гильотины, Николаю было всего пять лет, когда был убит его отец. Но, несомненно, этот трагический опыт и воспоминания не могли не повлиять на будущую судьбу наших героев.

Оба они, в принципе, стояли далеко от трона. Точнее, вроде бы совсем рядом, но как в известной пословице: близко, да не укусишь. Герцоги Орлеанские, представители младшей ветви династии Бурбонов, всегда были в непосредственной близости от трона, один из них, Филипп Орлеанский, племянник Людовика XIV, в течение восьми лет

(1715—1723) был регентом при малолетнем Людовике XV, но королем стал только Луи-Филипп, и то в результате революции и отречения Карла X.

С легкой руки В.О. Ключевского «случайным императором» именуют Николая Павловича (в курсе лекций по истории России известный историк заявил: «Вступление Николая I на престол, как мы знаем, было чистой случайностью» [9, с. 240]), хотя многолетнее правление Николая Павловича случайностью назвать весьма сложно. Он был третьим сыном в семье и старшие братья, Александр и Константин, называли его не иначе, как «добрым малым». Его не готовили как наследника престола, а о том, что именно ему уготован трон, он узнал только после смерти императора Александра I, да и то, принял корону далеко не сразу, а после неоднократного отказа от власти старшего брата Константина.

Как воспитывали государей? Вроде бы, по-разному. Николай, третий сын в то время еще наследника престола великого князя Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны родился 6 июля 1796 г. в Царском Селе. Великая императрица успела только порадоваться рождению внука-богатыря (61 см) и назначить ему бонн-воспитательниц: Ш.К. Ливен и Е.В. Лайон. В отличие от двух старших сыновей — Александра и Константина, воспитывавшихся бабкой, императрицей Екатериной II, воспитанием младших — Николая и Михаила — занимались их родители. Павел Петрович оказался чрезвычайно нежным родителем, мать же, Мария Федоровна, напротив, держалась с детьми холодно и сухо, была с ними чрезвычайно взыскательна и высокомерна. Поначалу большое влияние на детей оказывали не столько отец с матерью, сколько няни и воспитательницы, прежде всего, бонна-англичанка Е.В. Лайон. Это была женщина решительная, вспыльчивая, но одновременно нежная и добрая. Ненавидевшая Польшу, она сумела в полной мере внушить эту ненависть и своему воспитаннику.

Когда Николаю исполнилось семь лет, главным воспитателем его и брата Михаила стал генерал Матвей Иванович Ламздорф. Взгляды Ламздорфа на педагогику совсем не осложнялись идеями Просвещения, и он уповал лишь на выговоры, приказы и жестокие наказания. Николай писал о чувстве постоянного страха, внушаемого воспитателем: «... Страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум. В учении я видел одно принуждение и учился без охоты» [7, с. 1]. Именно Ламздорф познакомил Николая с опытом грубой казарменной дисциплины.

Набор учебных предметов, изучаемых великими князьями, был весьма солидным: русский язык и словесность, языки — французский, английский, немецкий, латынь,

древнегреческий, русская и всемирная история, а также география, арифметика, рисование, музыка, верховая езда, танцы, фехтование, военные науки, особенно инженерное дело. Иными словами, о «скудном» образовании Николая речи быть не может. Тем более что после завершения гимназического курса наук великие князья прослушали еще и цикл лекций по этике, логике, политическим наукам, государственному праву и политэкономии.

А теперь обратимся к детству Луи-Филиппа. Он был первенцем в семье Луи-Филиппа-Жозефа, герцога Шартрского и Марии-Аделаиды де Бурбон-Пентьевр, правнучки «короля-солнца» и мадам де Монтеспан и появился на свет в Париже 6 октября 1773 г., за двадцать три года до рождения Николая, приходясь сверстником его старшим братьям. Вслед за ним в семье герцога Шартрского родились еще два мальчика и две девочки-близняшки, одна из которых умерла в младенчестве.

При воспитании Луи-Филиппа применялся совсем иной подход, да и учителя были иные. Если Николай из мягких женских рук попал в жесткие мужские, то Луи-Филипп, напротив: когда ему исполнилось шесть лет, и сменилось несколько наставников, его воспитательницей, как и воспитательницей его братьев и сестры Аделаиды, была назначена очаровательная 34-летняя графиня Стефани де Жанлис, начинающая детская писательница, восторженная почитательница идей Ж.-Ж. Руссо, а одновременно — любовница герцога Шартрского. Мадам Жанлис оказалась умелым, даже талантливым педагогом, применявшим самые разнообразные методы воспитания, в том числе и спартанские. Под ее руководством Луи-Филипп приобрел весьма глубокие и разносторонние знания, усвоил либеральный образ мыслей, любовь к путешествиям, привычку к простоте и выносливость (в этом они с Николаем I также были похожи).

Своим трудолюбием герцог Орлеанский также был во многом обязан мадам де Жанлис. Она говорила своим воспитанникам: «Очень важно уметь использовать каждую минуту, каждую секунду». Действительно, их день был расписан по минутам, с шести часов утра до десяти вечера [15, р. 19].

Именно своей воспитательнице Луи-Филипп был обязан знанием иностранных языков. По утрам дети изучали ботанику с садовником, говорящим по-немецки; за завтраком они также продолжали разговаривать на этом языке; во время послеполуденной прогулки их сопровождал учитель английского; за ужином они беседовали на итальянском, и завершали день испанским. «В результате такого образования, —

констатировал герцог Орлеанский, — в двенадцатилетнем возрасте я говорил на четырех языках, и я знал английский так же хорошо, как французский» [15, р. 19].

Мадам де Жанлис не пренебрегала гуманитарными науками, но особое внимание уделяла практическим вещам. Она заставляла своих учеников изучать основы математики, физики, естественной истории, архитектуры, ботаники; уделяла большое внимание физическому развитию детей, посвящая много часов в день гимнастическим упражнениям, бегу и плаванию.

Наконец, она пыталась привить им свои идеи, мнения и манеры. Она не хотела, чтобы юные аристократы занимались исключительно военным делом и охотой, и направляла их, по словам биографа Луи-Филиппа Ж. Берто, в сторону рабочих классов, посылая их то в мастерские, где их обучали изготовлению булавок, то к торговцам, которые им показывали, как делается уксус и горчица. Эта практичная женщина хотела, чтобы дети получили разностороннее образование, и были сведущи как в ремесленном труде, так и в науках [15, р. 20]. В результате к семнадцати годам из рыхлого, болезненного подростка Луи-Филипп превратился в атлетически сложенного юношу, наделенного отменным здоровьем, недюжинной физической силой и твердостью духа.

Каков же был итог воспитания наших героев? Если Николай вынес чувство страха к своему наставнику Ламздорфу, то Луи-Филипп до конца своих дней сохранял благодарность мадам де Жанлис. Она дожила до восшествия своего воспитанника на престол и умерла в зените своей писательской славы, а благодарный король выплачивал ей почетную пенсию. Либеральные убеждения Луи-Филиппа сформировались не столько под влиянием отца — вечного фрондера, сколько — мадам Жанлис. Именно она познакомила юного принца с Монтескье и Руссо, именно она внушила ему широкие взгляды на окружающий мир. Прагматизм, практицизм и педантизм, присущие Луи-Филиппу, — это тоже результат воспитательной работы мадам Жанлис.

Что получилось в результате «воспитательного хаоса», царившего в российской императорской семье? Строгость установленного Марией Федоровной этикета привела к тому, что товарищей в играх и занятиях у Николая почти не было. Его детство протекало в основном в обществе младшего брата Михаила и сестры Анны, с которыми у него на всю жизнь сохранились теплые дружеские отношения.

Неудачный подбор преподавателей (они были хороши как ученые, но оказались слабыми педагогами) и личные пристрастия Николая привели к тому, что интерес его к

изучаемым предметам был весьма избирателен. Гуманитарные науки, особенно философия, логика, эстетика, навсегда остались для него пустой болтовней. Он неплохо знал военную историю, а также интересовался жизнеописаниями великих полководцев и государственных деятелей. В целом, образование Николая Павловича оказалось достаточно обширным, хотя в нем и имелись значительные пробелы, вызванные отчасти неудовлетворительным преподаванием тех или иных предметов, отчасти же характером великого князя.

Как видим, несмотря на разные подходы к образованию и воспитанию и несхожие воспоминания, оставшиеся о годах обучения, Луи-Филиппа и Николая многое сближало. Оба они привыкли к аскетичному, даже спартанскому образу жизни; оба стали умелыми, трудолюбивыми работниками; оба стали физически сильными, выносливыми, а также смелыми и храбрыми; для обоих самыми близкими друзьями на всю жизнь станут брат Михаил и сестра Анна для Николая, и сестра Аделаида для Луи-Филиппа.

Несмотря на то, что к военной стезе наши герои относились по-разному, и Луи-Филипп не имел такого пиетета и преклонения перед всем, что было связано с ратным делом, как Николай, начало их карьеры было связано с армией. Взросление Луи-Филиппа пришлось на революционную пору. С началом революции вслед за отцом Луи-Филипп объявил себя ее сторонником, вступил в Национальную гвардию и в клуб якобинцев. В чине генерал-лейтенанта он участвовал в битвах при Вальми, Жемаппе и Неервиндене, проявив большие военные способности и храбрость. В 1792 г. он отказался от своего титула и по примеру отца принял имя «гражданина Эгалитэ». После того, как Конвент издал закон об изгнании Бурбонов, для обоих Эгалитэ было сделано исключение. Однако когда генерал Дюмурье, адъютантом которого служил Луи-Филипп, перешел на сторону австрийцев после поражения при Неервиндене, будущий король французов, не разделявший политических взглядов якобинцев и опасавшийся за свою жизнь, был вынужден бежать за границу, но, в отличие от других эмигрантов, отказался бороться против своей страны. Отец Луи-Филиппа был казнен якобинцами в ноябре 1793 г., будучи обвиненным в организации заговора с целью захвата власти.

Под именем Шабо-Латура Луи-Филипп вместе с сестрой Аделаидой и мадам Жанлис поселился в Швейцарии, в городке Рейхенау. Как писал В. Гюго, «этот наследник самых богатых королевских поместий Франции продал свою старую лошадь, чтобы не умереть с голоду. В Рейхенау в частном коллеже он давал уроки математики, а его сестра Аделаида занималась вязаньем и шитьем» [3, с. 19]. Здесь же Луи-Филипп узнал о гибели

отца. С этого момента он становился главой Дома Орлеанов и носителем титула герцога Орлеанского, о чем, разумеется, предпочитал помалкивать, так как швейцарцы симпатизировали французским революционерам.

Совершив путешествие по северо-западной Германии и Скандинавии, проведя несколько лет в Америке, в 1800 г. Луи-Филипп переехал в Англию, где обосновался в деревне Твикенгэм близ Лондона. В 1809 г. Луи-Филипп переехал на Сицилию, где познакомился с дочерью короля Фердинанда Неаполитанского Марией-Амелией, приходившейся племянницей казненной королеве Марии-Антуанетте. 25 ноября 1809 г. в Палермо состоялось их бракосочетание. К Марии-Амелии судьба была более благосклонна, нежели чем к ее тетке: 3 сентября 1810 г. Мария-Амелия подарила мужу наследника, который, в соответствии с давней традицией Орлеанского дома получит титул герцога Шартрского. Впоследствии она родит еще четверых сыновей и трех дочерей. Герцог Орлеанский превратился в примерного семьянина — любящего мужа и заботливого отца.

Затем Луи-Филипп побывал в Испании, где намеревался принять участие в борьбе против Наполеона, мечтая получить испанскую корону; однако этой мечте не суждено было сбыться, как, впрочем, и его планам о короне Ионических островов.

Великий князь Николай Павлович, как и Луи-Филипп, также начинал как военный. Только, в отличие от Луи-Филиппа, до конца своих дней сохранит пиетет перед всем, связанным с армией. Если Луи-Филипп прошел через революционные войны в молодости, а потом весь воинственный запал у него иссяк, то для Николая это станет главным вектором его жизни и судьбы.

Великих князей, как и детей большинства дворян в России, было принято с колыбели записывать на военную службу. Николай Павлович при рождении был произведен в полковники и назначен шефом лейб-гвардии Конного полка с обычным для данной должности жалованием в 1105 рублей в год. В мае 1800 г. он стал шефом еще и лейб-гвардии Измайловского полка, и с тех пор он с особым удовольствием носил измайловские мундиры. В 1814 г. император Александр I разрешил младшим братьям присоединиться к русскому победоносному войску, с условием, что участия в боевых действиях они принимать не будут.

Закончились наполеоновские войны. Во Франции установился режим Реставрации, Бурбоны вернулись к власти. В России и по всей Европе гремела слава императора Александра I.

Через две недели после прибытия в Париж Людовика XVIII там же оказался и Луи-Филипп, являвшийся, вместе с братом короля Карлом д' Артуа и его двумя бездетными сыновьями непосредственным наследником трона. Король возвратил герцогу Орлеанскому громадные имения его отца, конфискованные во время революции, и уже в конце сентября Луи-Филипп вместе с женой и детьми въехал в Пале-Руаяль. Его положение при дворе Людовика XVIII было, однако, затруднительным: ему не прощали ни роли его отца во время революции, ни его собственных либеральных убеждений, от которых он никогда не отказывался. После возвращения Наполеона с Эльбы Луи-Филипп, назначенный главнокомандующим Северной армии, был вынужден передать командование маршалу Мортье и уехал в Англию, вернувшись в Париж после вторичного падения Наполеона и заняв место в палате пэров, где проявил себя как либерал, решительно выступая против реакционных мер нового правительства, за что ему было приказано выехать за границу. Только в 1817 г. он получил окончательное разрешение вернуться во Францию.

Отчужденность герцога Орлеанского от двора, ненависть, которую он внушал ультрароялистам, привлекали к нему симпатии всех противников режима Реставрации – от либералов до бонапартистов. Пале-Руаяль постепенно превращался в центр умеренной оппозиции. Благодаря непринужденной атмосфере, созданной стараниями Марии-Амелии, Пале-Руаяль притягивал к себе видных деятелей литературы, искусства, науки и политики. Талейран называл герцогиню Орлеанскую «последней знатной дамой Европы» [15, р. 103]. Что касается самого Луи-Филиппа, то он вел себя по отношению к царствующему дому вполне корректно и стоял в стороне от всех заговоров, которые устраивались в его пользу. Вплоть до смерти Людовика XVIII в сентябре 1824 г. он сторонился двора, однако после восшествия на престол Карла X отношения между Тюильри и Пале-Руаялем улучшились, хотя герцог посвящал себя не столько придворной жизни и политике, сколько приумножению своего состояния. Орлеаны получили свою долю (17 миллионов франков) от «эмигрантского миллиарда». Большую радость доставило ему расширение старых владений в Нейи, куда он перебрался с семьей в начале 1830 г. Там и застали герцога Орлеанского июльские события, круто изменившие его жизнь.

Спустя год после восшествия во Франции на престол Карла X, в России, в Таганроге, в 1825 г. умер император Александр I.

Николай к этому времени был уже главой семьи. Еще во время поездки за границу его внимание привлекла красивая и грациозная дочь прусского короля Шарлотта Фредерика Луиза Вильгельмина. Он посватался к пятнадцатилетней принцессе и получил согласие ее родителей, а в ноябре 1815 г. состоялась их помолвка. Для завершения образования Николай Павлович совершил поездку по России (1816) и три поездки в Европу (1814—1817). Эти путешествия «совершались, так сказать, на курьерских, с головокружительной быстротой, и Россию молодой великий князь мог видеть только поверхностно, лишь с внешней стороны, и то преимущественно с показной» [7, с. 20].

13 июля 1817 г. в дворцовой церкви Зимнего дворца состоялось бракосочетание Николая и прусской принцессы Шарлотты, ставшей в православии Александрой. Вскоре после этого новоявленный глава семьи был назначен главным инспектором Корпуса инженеров и шефом лейб-гвардии Саперного батальона, став генерал-инспектором по инженерной части российской гвардии и сосредоточив в своих руках все дело государственной обороны.

В 1818 г. Николай становится командиром 2-й бригады 1-й пехотной дивизии, а в 1825 г. он был назначен еще и начальником 2-й пехотной дивизии и занялся «подтягиванием» дисциплины. Его восхищала простота, незатейливая четкость армейской жизни, точность отдачи приказов и их безусловного выполнения, нравилась иерархичность жизни солдат и офицеров. Кроме того, постоянно вращаясь с 1818 г. в гвардейской среде, общаясь с офицерами, вернувшимися из заграничных походов, великий князь усматривал в отдельных нарушениях уставной дисциплины не простую оплошность или даже распушенность, а симптомы серьезной оппозиции режиму.

Наконец, существовали такие важные для него понятия, как «долг», «совесть», о которых нельзя было ни на минуту забывать, не то что их преступить, особенно когда речь шла об армии, о служении Отечеству.

Раздел 2. Начало правления Николая I и Луи-Филиппа. Легитимация власти

2.1. Восстание декабристов и Июльская революция

Казалось бы, Николай I и Луи-Филипп получили власть совершенно разными способами. Николай — легитимным путем, наследовав престол после смерти императора Александра I. Луи-Филипп — в результате революции, и легитимность его власти была подвергнута сомнению. Но и начало правления Луи-Филиппа, и Николая I сближают такие явления как революция, восстание, бунт.

Луи-Филипп не принимал участия в Июльской революции 1830 г. Корона была ему предложена депутатами парламента, и он ее принял. Однако сама революция явилась реакцией на грубое нарушение королем Карлом X конституционной Хартии. Характерно, что Николай I, не понаслышке знавший, что такое бунт, накануне революции 1830 г. ясно видел тучи, сгущающиеся над Францией, и предостерегал своего венценосного брата Карла X о грядущей катастрофе, если тот будет идти тем же путем. Николай, которого никак нельзя назвать сторонником конституционализма, четко видел, что именно нарушение Карлом Хартии 1814 г., пренебрежение ею и народными чаяниями ведут страну к катастрофе.

Предостерегал Карла X и Луи-Филипп. Еще в августе 1829 г., когда Карл X назначил главой правительства одного из лидеров ультрароялистов князя Ж. де Полиньяка, Луи-Филипп предупредил короля об опасности его выбора, чреватого политическим кризисом. Действия Полиньяка полностью подтвердили предостережения Луи-Филиппа, считавшего, что политика возглавляемого им правительства выходит за рамки Хартии 1814 г. (хотя среди историков до сих пор идут споры об искренности Луи-Филиппа по отношению к Карлу X).

Если Луи-Филипп согласился принять корону, но в революции не участвовал, то Николай также не рвался к власти. Он не был посвящен в суть завещания императора Александра I и был убежден, что наследником является его брат Константин. В результате вместо ожесточенной борьбы за престол шло соревнование в отказе от прав на него. При этом «жонглирование короной» не могло продолжаться бесконечно. Оно и так дало возможность декабристам в Петербурге собрать силы для выступления. Только после того, как Николай узнал о готовящемся мятеже и одновременно получил третье «отказное» письмо от Константина, вечером 13 декабря он собрал всех членов Государственного совета на секретное заседание, на котором был выработан

официальный акт. В начале этого документа Николай Павлович титуловался «великим князем» и «высочеством», а в конце провозглашался «императором» и «величеством».

Несомненно, 14 декабря оставило в душе императора глубочайший след. Оно породило в его и без того недоверчивом уме опасения по поводу дворянского общества, которое, оказывается, может взяться за оружие, отстаивая собственное представление о путях развития страны. Кроме того, Николай Павлович не мог не признаться себе в том, что недовольство части общества не сводится только к идейным заблуждениям, а имеет под собой объективные основания.

Итак, Николай был провозглашен императором. Но все ли считали его власть легитимной? На первый взгляд, с «легитимностью» дела обстояли неважно у Луи-Филиппа, которого сам Николай считал узурпатором трона, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского. Однако проблема легитимации власти была не менее актуальной и для самого Николая Павловича. Одной из его первостепенных внешнеполитических задач было стремление устранить всяческие сомнения в законности своего собственного прихода к власти и вывести династическую составляющую за пределы восстания на Сенатской площади [18, с. 504]

Необходимость утвердить официальную версию событий 14 декабря 1825 г., рассеять сомнения в легитимности нового царствования, успокоить союзные монархические дома, дипломатические представительства России, европейское общественное мнение по поводу династического кризиса, «гибельных» происшествий в Петербурге заставила российское правительство форсированно информировать Европу.

Уже 14 декабря 1825 г. К.В. Нессельроде особыми нотами оповестил иностранных дипломатических представителей в Петербурге о восшествии на престол императора Николая I. В документах подчеркивалась преемственность внешнеполитических принципов России и «верность принятым на себя обязательствам» [18, с. 476-477]. Как видим, не только «король баррикад» был вынужден доказывать легитимность своей власти и рассылать циркуляры о своем твердом намерении соблюдать Венские трактаты. За пять лет до Июльской революции это был вынужден доказывать Николай I.

В мятеже декабристов Николай I увидел ответвление от общеевропейского заговора, направленного против порядка, установленного на Венском конгрессе и закрепленного созданием Священного союза. Отсюда его стремление во что бы то ни стало предотвратить последующие революции, возможные потрясения как в России, так и

в Европе. Это объясняет и реакцию Николая I на Июльскую революцию 1830 г. Не имея ничего против герцога Орлеанского лично, он был глубоко возмущен обстоятельствами его прихода к власти.

Действительно, Луи-Филипп, получил власть в ходе революции и вошел в историю под именем «король баррикад». 2 августа Карл X отрекся от престола в пользу своего внука, герцога Бордоского, а до совершеннолетия последнего назначал Луи-Филиппа регентом и наместником королевства. Герцог Орлеанский немедленно сообщил Палатам об отречении короля, скрыв, однако, его условия. 7 августа Палата депутатов, предварительно объявив трон вакантным, предложила его Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому, и его потомкам по мужской линии в порядке первородства. Через два дня в Бурбонском дворце, где заседала нижняя палата, состоялась церемония гражданской коронации: герцог Орлеанский принял присягу на верность конституции, подписал Хартию, после чему ему были вручены королевские регалии. Отныне он именовался Луи-Филиппом I, «королем французов».

Однако принятие короны из рук революции явилось первым и последним революционным актом Луи-Филиппа: девизом всего его царствования будут слова: «Порядок и свобода». Он не хотел разжигать пожар войны в Европе; самым большим его желанием было добиться признания его короны другими европейскими монархами, и он надеялся добиться этого с помощью проведения конституционной внутренней и миролюбивой внешней политики. Сразу же после революции 1830 г. правительство Луи-Филиппа признало все территориальные изменения, произведенные трактатами 1815 г.

Вспыльчивый Николай I, воспринявший смену власти во Франции в ходе революции как грубое нарушение легитимного порядка в Европе, основанного на решениях Венского конгресса, на первых порах был готов организовать вооруженную интервенцию во Францию с целью восстановления на престоле незадачливого Карла X. В Вену и Берлин были отправлены специальные миссии для выяснения позиций прусского и австрийского дворов. Однако европейские монархи отчетливо понимали, что без участия Франции стабильность в Европе была невозможна: изолированная, и, как следствие, нестабильная, Франция всегда оставалась бы очагом пропаганды, катализатором революционных потрясений в европейских государствах.

2.2. Надежды и разочарования. Реформы первых лет царствования

Итак, что же было сделано? В начале царствования Николая Павловича и Луи-Филиппа были проведены весьма важные административные и социальные реформы.

Программы конкретных действий у нового самодержца не было, да и не могло быть, поскольку он не допускался старшим братом до каких бы то ни было государственных занятий и не знал истинного положения дел в России. Он вынес для себя или выпестовал сам лишь одно убеждение, «что без принципа власти нет общественного блага, что это значит исполнять долг, а не пытаться завоевать популярность слабодушием, что народами следует управлять, а не заискивать перед ними...» [7, с. 47].

Николай попытался создать штаб будущих преобразований, которым стала Собственная Его Императорского Величества (С.Е.И.В.) Канцелярия. Если Александра II после 1861 г. стали называть «царем-освободителем», то его отца вполне можно назвать «царем-законодателем». Николай собрал и систематизировал российское законодательство — были созданы Полное собрание и Свод законов Российской империи. При нем были приняты первые законы о труде, об охране окружающей среды, издан первый специальный общий закон об акционерных обществах. Был «обновлен» Вексельный устав. Городовое положение Санкт-Петербурга 1846 г. легло в основу городской реформы 1862 г. Император стал инициатором составления первого в России кодекса уголовных законов — Уложения о наказаниях. Был принят еще один важный документ — Цензурный устав, состоявший из двухсот тридцати параграфов, носивших в основном запретительный характер. От хозяина Зимнего дворца шло и подчеркнутое недоверие к печати и просвещению.

В результате первые десятилетия царствования Николая Павловича оказались весьма противоречивыми. Понимание необходимости перемен соседствовало в них с желанием сделать эти перемены не слишком заметными и глубокими; попытки наведения порядка в управлении государством связывались прежде всего с усилением роли государя; проекты реформ — с боязнью затронуть вековые основы монархии [23, с. 472-473].

Во Франции в начале правления Луи-Филиппа также был проведен целый ряд важных реформ. В отличие от Николая I с упором на цензуру и ограничение образования, во Франции, наоборот, делалась ставка на свободу прессы и распространение образования. 28 июня 1833 г. был принят закон о начальном образовании, вошедший в историю как «закон Гизо», была восстановлена уничтоженная Наполеоном Академия нравственных и политических наук.

В 1831 г. была проведена реформа избирательного права, понижавшая избирательный ценз; законом от 21 марта 1831 г. восстанавливалась выборность муниципальных советников, которые со времен Наполеона назначались правительством.

В соответствии с законом от 22 марта 1831 г. вместо королевской гвардии была образована Национальная гвардия, членами которой могли стать все граждане, платившие налоги и на свои средства приобретавшие обмундирование.

Однако после отставки кабинета банкира Ж. Лаффита, последовавшей в том же 1831 г., темп реформ замедлился. Лишь в 1833 г. был принят закон о выборах членов генеральных советов департаментов и окружных советов¹. Замедление темпа реформ привело к росту оппозиционных настроений в обществе и в дальнейшем стало фатальным для режима.

Если говорить об экономическом развитии, то годы правления Николая I и Луи-Филиппа были отмечены интенсивным экономическим ростом, развитием сельского хозяйства, промышленности, железных дорог. Луи-Филипп, сам являвшийся одним из богатейших людей Франции, позволил и стране стать более богатой и процветающей. По темпам экономического роста Франция занимала второе место после Великобритании. Однако в России камнем преткновения стал крестьянский вопрос, во Франции — вопрос о расширении социальной базы режима. Если Николай I очень осторожно подходил к проблеме решения аграрного вопроса, полагая, что освобождение крестьян — это дело будущего, то Луи-Филипп так же осторожно подходил к проблеме расширения избирательного права.

Как видим, и Николай I, и Луи-Филипп вовсе не были принципиальными противниками реформ. Но они полагали, что процесс модернизации общества должен быть очень продуманным и осторожным. Это позволяет сделать, на первый взгляд, парадоксальный вывод об определенной общности политических принципов самодержца Николая I и конституционного правителя Луи-Филиппа. Николай I вовсе не был реакционером, каким его часто изображали политические противники. Он был «прогрессивным консерватором», способным к определенным умеренным реформам сверху, подготовленным постепенно, без заигрывания с общественным мнением. Конституционного короля Луи-Филиппа оппоненты зачастую обвиняли в консерватизме, а либералов-орлеанистов, находившихся у власти, именовали консерваторами. Действительно, французский либерализм начиная с Реставрации имел умеренный характер. Применимо к идеологии Луи-Филиппа и в целом орлеанистов уместнее говорить о либерально-консервативном синтезе, или о консервативном либерализме. Отсюда и девиз орлеанистов — «Свобода и Порядок», то есть сочетание идеи свободы как базовой категории либерализма, и идеи порядка, как оплота консервативной идеологии.

2.3. Монархи у кормила власти: стиль и правила правления

Немало общих черт было в стиле правления, что было связано, во многом, с личными качествами монархов. Оба они относились к психологическому типу личности, который можно характеризовать как «практик». Это люди с преобладанием практических ценностей, склонностью руководить людьми или производственными процессами на разных уровнях, обладающие умением и готовностью принимать ответственные решения, но порой эмоционально несдержанные. Этот тип людей часто представляют физически развитые люди мощного телосложения — «атлетики», к которым, несомненно, относились Николай Павлович и Луи-Филипп.

По идее, самодержавный государь и конституционный монарх исповедуют разные стили управления. Однако этого нельзя сказать о Николае и Луи-Филиппе.

С Николаем Павловичем все ясно: абсолютный монарх, главный распорядитель, устроитель и вершитель судеб в империи. Как в свое время написал князь Клеменс фон Меттерних своему посланнику в Петербурге графу К.-Л. Фикельмону, «когда говорят о России, то при этом говорят об императоре Николае» [44, с. 399]. По словам другого иностранца, художника Ораса Верне, император «хочет непременно сам вникать в малейшие подробности всего, что происходит в его империи» [45, с. 168].

Практический склад ума и особенности характера приводили к тому, что Николай Павлович старался вникнуть во все дела. Он развивал неутомимую деятельность, будь то чтение отчетов и бумаг, которые он изучал от корки до корки, испещряя пометами карандашом, или смотры, ревизии, дальние поездки по российским дорогам, зарубежные вояжи.

Луи-Филипп — конституционный монарх, получивший власть от народных избранников, обязанный придерживаться конституционной Хартии и править с помощью министров, опираясь на Палаты. Однако Луи-Филипп вовсе не хотел быть королем, который «царствует, но не управляет».

Луи-Филипп был королем в высшей степени умным, активным, но властным и мелочным. Он хотел решать все дела сам, вмешиваться во все детали. Как отмечал английский исследователь Т. Зелдин, Луи-Филиппу очень нравилось быть королем; он испытывал страсть к власти и имел исключительно высокое мнение о своем таланте политика. Кроме того, он полагал, что если он станет «бессильным» конституционным монархом и предоставит решение всех вопросов профессиональным политикам, то те

ввергнут страну в ужасную смуту, революцию, войну, а его самого лишат престола [27, с. 357]. Поэтому король хотел отделаться от сильных политиков, таких как Л.-В. де Брой и А. Тьер, и создавал, по крайней мере, до октября 1840 г., нестабильные министерства и не противодействовал затяжным министерским кризисам.

Период с 1840 г., а именно с момента формирования министерства 29 октября под руководством Николя Сульта, а фактически Франсуа Гизо, занимавшего с 1840 по 1848 гг. пост министра иностранных дел, а в 1847 г. ставшего главой правительства, многие исследователи называют «личным правлением короля».

Оба государя были записными трудоголиками, о чем свидетельствует их распорядок дня. Император Николай просыпался ежедневно в пять—шесть утра и еще до завтрака успевал управиться с множеством дел: выслушать доклады о происшествиях в столице, просмотреть фельдъегерскую почту, на свежую голову решить дела, отложенные с вечера. С семи часов петербуржцы, проходившие по набережной Невы мимо Зимнего дворца, могли видеть государя, сидящего в кабинете при свете четырех свечей и работающего с бумагами. После завтрака в любую погоду император совершал прогулку «для здоровья», а с девяти часов шел прием одного или нескольких из тринадцати-пятнадцати министров.

Проинспектировав развод дворцовых караулов, Николай I ехал в один из гвардейских полков, снимал пробу с солдатского котла, присутствовал на строевых занятиях и возвращался к бумажным делам. После полудня отправлялся осматривать учебные заведения или присутственные места. Кроме прогулок, ежедневно в темпе повторял сложные приемы с оружием, служившие ему своеобразной гимнастикой.

Обед в царской семье начинался в промежутке от пятнадцати до шестнадцати часов, состоял обязательно из трех блюд и был весьма прост. Любимыми кушаньями монарха считались овощные супы, котлеты и каши в горшочках. После обеда он опять работал в кабинете, а в половине восьмого пил чай с семьей и готовился к вечернему выходу в «свет», в театр.

С большим удовольствием Николай Павлович, когда это позволял этикет, проводил вечера дома, на половине императрицы, где собирался узкий круг избранных. Здесь на первом месте была музыка, причем государь сам отлично играл на флейте и трубе и неплохо пел. Занимались в семейном кругу также чтением новых русских и иностранных литературных произведений.

Николай Павлович считал себя, прежде всего, не ценителем искусства, а его руководителем. Крупной заслугой Николая перед искусством стало учреждение Императорского Эрмитажа. Богатое собрание художественных сокровищ, начатое Екатериной II, расширенное Александром I, по инициативе Николая превратилось в национальный музей, доступный публике. С 1829 по 1850 гг. собрание Эрмитажа наполнялось замечательными экспонатами из-за границы. По инициативе Николая и под его наблюдением была построена Пулковская обсерватория, Большой Кремлевский дворец в Москве, там же начато строительство храма Христа Спасителя, Исаакиевского собора в Петербурге, создан замечательный частный музей оружия в Царском Селе.

Если двор при Николае I стал одним из самых блестящих и пышных в Европе, то в быту государь был очень умеренным. Если Луи-Филипп с неохотой покинул Пале-Руаяль, то симпатии Николая склонялись в пользу относительно скромного Аничкова дворца. В своем небольшом кабинете в Зимнем дворце Николай спал на походной кровати с набитым соломой тюфяком, укрывался не одеялом, а шинелью или шалью жены. В быту Николай Павлович щегольством не отличался, у него никогда не было домашнего халата, и в случае необходимости монарх набрасывал на плечи старую шинель. Пищу любил самую простую, пил умеренно, позволяя себе бокал вина за обедом или рюмку водки с мороза. Государь никогда не курил и не терпел курящих в своем окружении [7, с. 179]. Как писал французский художник Орас Верне, совершивший в свите императора семинедельное путешествие по России, «император великий трезвенник; он ест только капустный суп с салом, мясо, немного дичи и рыбы, а также соленые огурчики. Пьет только воду» [45, с. 169].

Луи-Филипп также просыпался рано. В семь утра король покидал свою спальню и со свертком одежды под мышкой, в сером рединготе до пят отправлялся в туалетную комнату, и, как в свое время Людовик XIV, сам разжигал огонь в камине. Первый человек, которого король принимал за день — это его парикмахер Ришар. Только ему было позволено причесывать знаменитый чубчик Луи-Филиппа, над которым потешались парижские мальчишки и который так активно эксплуатировали карикатуристы.

После завершения туалета король встречался со своим адъютантом, господином Монталиве, интендантом гражданского листа. После этого он принимался за чтение газет, причем это всегда была английская пресса, прежде всего газета «Таймс».

Затем король быстро завтракал в кругу семьи, причем меню всегда было одним и тем же: рис, одно заварное пирожное и стакан воды. К десяти часам он покидал дворец и

выходил на улицу как простой обыватель, либо один, либо в сопровождении своего архитектора Фонтена. К полудню король возвращался в Тюильри на заседание Совета министров. Он всегда был очень внимателен, крайне заинтересованно слушал все, о чем говорилось, хотя внешнее впечатление было иным: во время докладов министров король с рассеянным видом бродил пером по бумаге, изображая, как правило, мужские и женские головы. Однако когда время от времени он вставлял реплику, всем было ясно, что король не пропустил ни слова [15, р. 113-115].

Затем шел черед официальным аудиенциям, после чего король совершал длительную прогулку в Сен-Клу или в Нейи. Именно тогда в массовом сознании сформировался легендарный облик «короля-буржуа»: старый костюм, помятая шляпа и зонтик под мышкой. К шести часам Луи-Филипп возвращался в Тюильри: это было время обеда. Король переодевался: теперь на нем был каштановый костюм, черные панталоны, черный сатиновый жилет или жилет из белой хлопчатобумажной ткани. Завершал образ белый галстук и лакированные туфли.

Обед короля был весьма скромным, но оригинальным: ему подавали четыре или пять видов супов, которые он по своему желанию смешивал: это было для него истинным наслаждением! Затем он съедал кусок жареного мяса, немного рагу и овощей, тарелку пирожных макарони на десерт, запивая их испанским вином.

После обеда королевская семья обустривалась в салоне Марии-Амелии. Около десяти часов королева вставала: это был знак расходиться. После десяти вечера король уходил в свой рабочий кабинет. В эти часы впервые за день он был один и мог заняться важными делами, работая до двух-трех часов ночи [15, р. 129].

Несмотря на свое прозвище «короля-буржуа», для людей, хорошо знавших короля, не было никаких сомнений: это был настоящий аристократ, а не буржуа, каким он пытался, и небезуспешно, предстать в глазах французов. Зонт и знаменитый парик Луи-Филиппа, как черты принадлежности к буржуа, во многом были своеобразными рекламными приемами.

Раздел 3. Взаимные представления и стереотипы восприятия

3.1 Русские во Франции и французы в России

В первое десятилетие XIX века, при Консульстве и Империи, постоянно меняющиеся отношения между двумя странами, несколько раз переходившими от войны к миру и снова к войне, не способствовали укоренению русских в Париже. Зато после того, как 31 марта 1814 г. была подписана капитуляция Парижа и русская армия вместе со своими союзницами оп антинаполеоновской коалиции вошла в Париж, русские буквально наводнили столицу. Военные покинули Париж в конце 1815 г., но число русских, желающих увидеть столицу Франции и провести в ней несколько недель, месяцев, а то и лет, во второй половине 1810-х, 1820-х гг. неизменно оставалось очень большим.

После Июльской революции для русских любителей парижской жизни наступили сложные времена: российские власти через посла Поццо ди Борго передали своим подданным (в общей сложности их было в тот момент в Париже около 90 человек) приказание покинуть Францию, и лишь позже некоторым из них разрешили вернуться (в их числе был и князь Тюфякин). Российский император опасался, как бы его подданные не заразились во Франции революционными настроениями, и хотя дипломатические отношения двух стран, прерванные на время революции, были довольно быстро восстановлены, власти выдавали разрешения на поездку в страну крайне неохотно. Согласно французским данным, в 1832 г. в Париже проживало 310 русских.

В 1843 г. положение улучшилось, но крайне незначительно: разрешение выехать во Францию было выдано 74 российским подданным, причем император имел право приказать вернуться домой любому из тех, кто будет сочтен усомнившимся.

Формально поездки русских во Франции не приветствовались, однако, как это нередко случалось, норма и реальность не вполне совпадали. Так, император делал исключения для отдельных лиц, таких как князь Тюфякин или много лет живший вне России дипломат князь П.Б. Козловский. Открыт был путь и многим великосветским дамам, которые по-прежнему подолгу жили в Париже и принимали русских и французских знакомцев в своих гостиных. Наконец, молодые дворяне, числившиеся на службе по Министерству иностранных дел, попадали в Париж проездом, но с любезного разрешения посла задерживались на месяц с лишним и осматривали все парижские достопримечательности. Русское посольство 1828-1839 гг. размещалось в районе Елисейских Полей, на улице Буасси д' Англа. Именно здесь собиралась «блестящая и многочисленная толпа русских», и роскошных экипажей здесь было, по свидетельству А.И. Тургенева, «более прежнего». Впрочем, сравнительно с другими иностранными

колониями русская все равно оставалась невелика: согласно тогдашним французским данным, в 1839 г. в Париже проживало 1830 русских [58, 874-875].

В 1830—1840-е гг. в Париже жили многие выходцы из России, причем исповедовавшие самые разные убеждения. Среди «русских парижан» был, с одной стороны, Николай Иванович Тургенев, заочно приговоренный к смертной казни за причастность к движению декабристов, а с другой — Яков Николаевич Толстой, агент Третьего отделения Императорской канцелярии, в обязанности которого входил негласный надзор за русскими политическими эмигрантами. Наконец, в Париже многие годы жил и собирал исторические материалы в парижских архивах брат Николая Ивановича Тургенева Александр Иванович — автор пространных парижских корреспонденций, содержащих уникальную хронику культурной жизни французской столицы.

Русские дамы, переселившиеся во французскую столицу по тем или иным причинам, играли значительную роль в светской жизни Парижа. Образцовым представителем парижского света современные французские историки называют графа Поццо ди Борго. Хотя в 1814—1834 гг. посольство не могло соперничать в роскоши с посольствами Англии или Австрии, Поццо чувствовал себя полноправным парижанином, и окружающие разделяли это чувство.

Некоторые французы тоже стремились разрушить отождествление русских с «казаками» и «варварами». В 1843 г. Поль же Жюльвекур — парижанин, женатый на русской и любящий русскую культуру, — выпустил даже целый роман под названием «Русские в Париже». Описывая нравы и традиции русских людей, он стремился убедить своих соотечественников в том, что, несмотря на некоторые причуды и странности, русские — не дикие варвары, какими их рисовала недоброжелательная французская пресса, а самые обычные и, в общем, вполне европейские люди [58, с. 875-876].

После Июльской революции доступ французов в Россию был тут же приостановлен. После 1830 г. в Петербурге наблюдалось явное сокращение числа французов в Петербурге между 1818 (примерно 4 000) и 1848 (2 760 человек), тогда как население Петербурга за это время почти удвоилось. На всю Россию, поднялось до 8 тыс и 10 тыс. французов в целом в это время. В годы правления Николая draconовские меры были приняты, чтобы отграничить приток французских преподавателей и понизить доступ образовательные публичные учреждения иностранцам, полную лояльность которых нельзя было гарантировать. «Патриотический» или националистический дух охватил русскую политику [94, с. 13].

Получение паспортов и виз было прописано в циркуляре министерства внутренних

дел от 11 марта 1838 г.: Каждый должен был быть сертифицирован французскими властями (предоставить документы о местожительстве, гражданском состоянии и благонадежности). Префект утверждал эти документы. Паспорт — в министерство внутренних дел, в русском посольстве Парижа — виза.

Французская пресса была важным каналом связей между русским и французским обществом. Французская пресса, например, «Обозрение двух миров», была серьезной конкуренцией русской прессе. Журналы открывали русским французскую литературу — Бальзак, Жорж Санд, Мюссе, Ламартин, Гюго, и русские работы, либо переведенные, либо написанные по-французски [94, с. 19].

3.2 Три взгляда на Францию: П.А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин

Так получилось, что в 1838—1839 гг. в Париже оказались трое русских интеллектуалов, для которых путешествие в Париж было мечтой всей жизни. Это — князь Петр Андреевич Вяземский, Владимир Михайлович Строев и Михаил Петрович Погодин. Все они — публицисты, журналисты, литературные критики, писатели; Погодин и Строев — профессиональные историки. По политическим взглядам — весьма умеренные, по крайней мере к этому времени. Вяземский в 1821—1828 гг. находился в опале, был вынужден оставить «Московский телеграф», даже думал об эмиграции, но после личного обращения к государю был принят на службу чиновником особых поручений при министре финансов. М.П. Погодин вместе с Н.Г. Устряловым развивал теорию официальной народности, придерживался консервативных взглядов.

Их интересовали сходные вещи, прежде всего — интеллектуальные течения, образ жизни, нравы, культурная жизнь. Именно на это они обращали внимание и отражали в своих письмах и книгах. К режиму парламентского правления они относились изначально настороженно, но политика их весьма интересовала, хотя Вяземского больше раздражала.

Каким образом эти люди оказались во Франции? Владимир Строев так: парижский меценат с русскими миллионами и итальянским титулом князя Сан-Доминго, Анатолий Демидов, понимая, что во Франции существовали крайне недостоверные сведения о России, задумал распространить в чужих краях объективную информацию о своем отечестве. Выбор пал на Строева, который должен был собирать материалы и передавать их французам. Он приехал в Париж осенью 1838 г. Однако результатом этого путешествия стала книга не о России, а о Франции — «Париж в 1839 году». Князь П.А. Вяземский, долгие годы бывший «невыездным» и опальным, впервые выехал за границу в 1835 г., а во Франции оказался во время второй поездки летом 1838— весной 1839 гг., причем

полулегально, поскольку отпуск им был получен для лечения глаз в Германии. В 1838 г., путешествуя по Европе, Париж увидел и историк М. П. Погодин. Книга В. Строева была опубликована в Петербурге в 1841 г., «Дорожный дневник» М. Погодина — в 1844-м в Москве (в 1841 г. публиковался в журнале «Московитянин»), а письма П.А. Вяземского — только в 1937 г. в сборнике «Литературное наследство».

Все они просто сгорали от нетерпения увидеть Францию и особенно ее столицу. Для всех наших соотечественников уже сам факт того, что они оказались в Париже, был потрясением. Вот уж, действительно, «увидеть Париж и умереть»! У Вяземского просто не хватает слов для описания своих эмоций: «Не уж ли я в самом деле в... в... в... Сила крестная с нами! Выговорить не могу! Так дух и спирает. Чертенята в глазах пляшут, в глазах рябит, в ушах звучит, в голову стучит!» [102, с. 121].

Сходные чувства одолевали и Погодина, когда в дилижансе он направлялся из Марселя в Париж: «Чем более приближались мы к Парижу, тем нетерпение увеличивалось... Признаюсь, я был беспокоен, почти в смятении. Мысль, что сейчас увижу Париж, о котором с молодых лет столько слышал, читал, думал, производила особое действие» [75, ч. 1—2, с. 210].

Однако самые первые впечатления от Франции как таковой и от Парижа оказались противоречивыми. У Вяземского его идеальный образ вовсе не совпал с реальностью. В письме от 22 августа 1838 г., написанном по дороге из Страсбурга в Мец, он сообщал: «Странное дело! Я не нахожу Франции... Все тихо, все безмолвно! Нет ни одной водевильной сцены. Ни слова не слышу о политике. *Cette belle France* — Тамбовская губерния... Воля ваша, смешно сказать, а что-то есть унылое — может быть болезненное и недовольное — в общем чувстве Франции». Правда, Петр Андреевич добавлял: «Может быть и зеркало мое тускло, и без сомнения, и эта причина должна войти в воображение, но должна быть и правда, независимая от меня» [102, с. 120].

Париж произвел неоднозначное впечатление на наших соотечественников. Он их поражал, оглушал своим разнообразием, ритмом, шумом, движением. «Народ так и кишит», — делился своим первым впечатлением М.П. Погодин [75, ч. 3—4, с. 3]. А вот как описывал В.М. Строев свое знакомство с Парижем: «Первые впечатления от Парижа очень странны. На улицах так много народа, что ходишь лавируя, а не прямо; такой шум, что хочешь заткнуть уши... Все беспокойны, торопливы, как во время пожара или наводнения... Даже гуляющие ходят скоро» [74, ч. 1, с. 3].

А вот Вяземский как раз этого вечного движения и кипения жизни не увидел: «Но между тем я все-таки стою на своем: мое первое впечатление противоречит ожиданиям. Нет этой кипучей бездны под глазами» [102, с. 122].

Маршруты, места посещения и занятия у всех — одни и те же: парижские кафе, где можно вкусно перекусить и почитать газеты, многочисленные театры, обязательное посещение Палаты депутатов, светских салонов, Сорбонны, где можно послушать и увидеть светских и политических знаменитостей. Как писал В. Строев, «является непреодолимое желание посмотреть на людей, знакомых нам только по книгам, по газетным известиям и журнальным статьям. Мы редко отделяем литератора от человека, и личное знакомство с знаменитым писателем всегда нам приятно» [74, ч. 1, с. 144].

Знаменитых людей можно было увидеть в светских салонах и в парламенте, причем это были, как правило, одни и те же персоны: в Париже времен Июльской монархии свет и политика, свет и салон являлись категориями взаимосвязанными. Эту черту очень тонко подметил князь Вяземский: свет и политика — «это два сросшиеся сиамба» [102, с. 137]. Июльская монархия ввела моду на политику, Палата депутатов стала модным местом, активно посещаемым светским бомондом. Заседание палат Вяземский называл не иначе, как «утренним спектаклем» [102, с. 132].

Итак, заседание палат — утренний спектакль, светские салоны — спектакль дневной или вечерний. С гордостью наши соотечественники посещали салоны, где хозяйками были русские дамы. Русские аристократки, переселившиеся во французскую столицу по тем или иным причинам, играли значительную роль в светской жизни Парижа. В особняке на улице Святого Доминика жила Софья Петровна Свечина, еще в России, в 1815 г., перешедшая в католичество и вскоре после этого уехавшая во Францию. Ее салон сыграл немалую роль в развитии «социального католицизма» в 1830-е гг. Вяземского, правда, не очень «тянуло», как он писал, к г-же Свечиной, куда его настойчиво звал А.И. Тургенев. Зато очень тянуло его в другой салон — княгини Дарьи Христофоровны Ливен, урожденной Бенкендорф, супруги Христофора Андреевича Ливена, российского посла в Берлине, а затем в Лондоне. С 1835 г. княгиня проживала в Париже, сначала на улице Риволи, а с 1838 — на улице Сен-Флорантен, в бывшем особняке князя Ш.-М. Талейрана. Она принимала в своем салоне весь цвет политической элиты и дипломатии, а главным украшением ее салона был влиятельный французский политик Франсуа Гизо, ставший в 1840 г. министром иностранных дел.

В целом, парижские салоны князю Вяземскому не понравились: в них было «мало приветливости». «Все так сыты до пресыщения, до удушья, что нужно разве много времени, или особенный случай, чтобы залакомить собою. Общества все очень многолюдны и народ все кочующий из одного салона в другой: это непрерывная ярмонка» [102, с. 137—138].

А вот Палата депутатов была местом, куда наши соотечественники жаждали

попасть. То, что парламент превратился в светское место, у россиян вызывало негодование. В. Строев писал: «Легкомысленные парижане превратили и палату депутатов в театр, и ходят туда как в спектакль, любоваться любимыми своими политическими актерами, смотрят на их парламентские поединки и потом рассуждают хладнокровно о трагедиях государственных, как будто дело идет о каком-нибудь водевильчике или балете. Чудный народ!» [74, ч. 2, с. 139].

Для россиян, не имевших подобного опыта представительного правления, Палата депутатов являлась крайне любопытным местом. «Для всех путешественников, приезжающих в первый раз в Париж, палаты пэров и депутатов, — самое любопытное явление... Беспрерывная стычка партий, борьба ораторов... падение одних и возвышение других — все это так ново, так занимательно, так поучительно!», — писал В. Строев [74, ч. 2, с. 107].

В Палату попасть мог любой желающий, но, поскольку таковых было много, а количество мест — ограничено, предварительно нужно было отстоять очередь, особенно в те дни, когда должны были выступать известные ораторы. Как писал Погодин, «думал было сходить в Палату Депутатов, но собрание, говорят, незанимательное» [75, ч. 3—4, с. 12]. А вот когда заседание намечалось «занимательное», наши аристократы послушно стояли в очереди, если им не доставался заветный пригласительный билет. Для них визит в Палату депутатов (палата пэров не была столь интересным местом) являлся настоящей авантюрой.

Церемонию допуска в Палату живописно описал князь Вяземский: «Толпа стоит у входа в палату и ждет; в известный час двери отворяются и желающие входят по очереди, один за другим, точно, как в театр. Как скоро все места заняты, двери затворяются, и любопытные, не попавшие в очередь, остаются на улице и отлагают на завтра намерение послушать Беррье или Тьера».

И вот, счастливый момент, оказались внутри: «Надо было видеть, как впущенные поскакали по лестнице, через три ступеньки на четвертую, по портику, через сени, и наконец на узкую лесенку, ведущую к публичным трибунам. Я опомнился только, когда уже сидел на месте, подле колонн. Пот катился с меня градом», — вспоминал Погодин [75, ч. 3—4, с. 36].

А дальше начинается действо: «В ложах сидят тихо, скромно, чинно; не смеют изъявлять ни гнева, ни удовольствия, ни печали, ни радости. За малейший шум президент прикажет очистить ложи и всех без изъятия выгонят вон» [74, ч. 2, с. 139].

Но в целом впечатления — неоднозначные. Погодину заседание не понравилось: «... палата, пустая, произвела во мне впечатление гораздо сильнее, чем после, наполнившись.

Я воображал здесь выборных людей... представителей народа... приходящих сюда со всех сторон государства рассуждать о благе общественном... а в самом деле ораторы представились какими-то просителями, которые, всходя на кафедру, умоляли о внимании... А слушатели похожи на господ, которые из снисхождения уделяют им по несколько минут, предоставляя однако ж себе право изъявлять скуку, нетерпение...» [75, ч. 3—4, с. 40—41].

В. Строев испытал аналогичные чувства от посещения Палаты: «Когда войдешь в первый раз в палату, думаешь, что попал в огромный театр, в котором слушатели соскучились. Депутаты разговаривают, читают, пишут; некоторые повернулись спиной к оратору, который, углубляясь в огромную тетрадь, читает себе какое-то рассуждение... Так всегда бывает, когда оратор читает речь» [74, ч. 2, с. 116].

Однако, по словам Строева, «палата принимает совсем другую физиономию, когда на кафедру входит оратор-импровизатор» [74, ч. 2, с. 116]. Именно на таких ораторов, как на популярных театральных актеров, ходила публика. Правда, некоторые «импровизаторы» тщательно заучивали речь дома, как, например, любимец светских дам Альфонс Ламартин: «Когда Ламартин появляется на ораторской кафедре, вся Палата смеется: известно, что Ламартин пишет свои импровизации наперед, выучивает их наизусть и потом произносит в Палате» [74, ч. 1, с. 145—146].

Что касается в целом парламентского образа правления, то наши соотечественники его не понимали и не одобряли. Все они оказались в Париже в разгар очередного министерского кризиса. Строев писал: «Все жалуются на министров; все бедствия Франции относятся к нерадению или неспособности министров; а что могут сделать умнейшие министры, когда встречаются в палатах ежеминутную оппозицию..?» Министерство, в свою очередь, «всегда имеет средства подкупить депутатов, местами, деньгами, наградами» [74, ч. 2, с. 137].

О министерской чехарде писал и Погодин: «Министры беспрестанно изменяются, и ни один дельный человек не может, следовательно, приносить надлежащей пользы» [75, ч. 3—4, с. 69].

Весьма негативное впечатление партийная борьба, точнее, борьба «шаек», производила на князя Вяземского. Его просто «от всей этой каши тошнит» [102, с. 122]. По его убеждению, политическая борьба только ослабляла режим Луи-Филиппа: «монархия июльская... не довольно еще оселась и раздобрела, чтобы можно было поминутно в глазах ее внутренних противников легитимистов, республиканцев и наполеонистов и в глазах недоброжелательной к ней Европы ажитировать вопросы, которые более или менее касаются до самого ее существования [102, с. 133—134].

Столь же негативно Вяземский отзывался и о французских политиках как таковых: «Присвоили себе неограниченную свободу все говорить, все писать, не уважать ни единством времени, ни единством истины и святости некоторых начал, которые везде и всегда должны пребыть нерушимы, присвоили себе выражение, но не присвоили смысла...» [102, с. 134—135]. Французы, по словам Вяземского, все «... пересолили, и перебагрили кровью, расшибая лоб себе и другим излишним усердием.... Все понятия сбиты с места... Здесь, например, скульптор Давид влюблен не в Галатею, а в депутатство, спит и видит, как попасть в палату и попадает» [102, с. 135—136].

Вяземский, Строев, и Погодин — это профессиональные журналисты и публицисты. Отсюда их пристальное внимание к французской прессе. Всех их поражало огромное количество выходивших газет и влияние прессы на жизнь страны; она — настоящая четвертая власть. Строев писал: «Сила парижских журналов во Франции невообразима... При легкомысленности, при смешении мнений, если журналы захотят повторять одну и ту же мысль в продолжение трех месяцев, нет сомнения, что она укоренится во французском народе и удержится до тех пор, пока те же журналы не заменят ее другою» [74, ч. 2, с. 67—68].

Характерная черта, отмечаемая нашими соотечественниками — партийный характер прессы и ее «продажность». Вот что писал Строев: «Парижский журналист — человек продажный. Торговля журнальною совестью так обыкновенна в Париже, что не почитается за стыд или преступное дело... наглые продавцы торгуют своим убеждением, как лавочники мылом, или слесари замками» [74, ч. 2, с. 71].

По мнению же князя Вяземского, именно пресса являлась источником социальной напряженности во Франции: «Здесьшний народ не беспокойнее другого, но ему подливают каждое утро чашку дурмана: журналы, вот что мутит народ» [102, с. 123].

Наши соотечественники обратили внимание на такую важную деталь, как газетные утки — «статьи чисто выдуманные, для возбуждения ужаса на бирже или в гостиных» [74, ч. 2, с. 90]. Причем, как отмечал Строев, про Россию и русских «выдумывать легче всего, ибо нас в Париже совсем не знают... » [74, ч. 2, с. 91]. Погодин, направляясь из Марселя в Париж, разговорился в дилижансе с двумя случайными старушками, задававшими «смешные» вопросы о России, например, «... есть ли у нас постели, раздеваемся ли мы, ложась спать, и тому подобное» [75, ч. 1—2, с. 206].

В целом, если судить по сведениям наших соотечественников, русофобские настроения были весьма распространены во французском обществе. Так, Погодин сообщал, что не пойдет «на поклон» к Тьеру: «Тьер не расположен, говорят, к России: не пойду к нему» [75, ч. 3—4, с. 24].

Какая Франция без мятежей и бунтов! Оказаться в Париже, в этом эпицентре революций, и не увидеть хоть какой-нибудь заварушки — практически понапрасну съездить! Нашим соотечественникам так хотелось стать свидетелями «бунта», что они готовы были увидеть его там, где ничего подобного не было! Так, например, Вяземский, принял ночной шум карнавала за беспорядки: «Карнавал бесится: ночью по улицам такой шум, вой, что подумаешь, не (дни. — Н.Т.) глориозные затеваются? Нет, ничуть. Маски изволят забавляться... » [102, с. 122]. Хотя однажды Петру Андреевичу все-таки удалось увидеть нечто похожее на бунт. В письме от 29 ноября 1838 г. он сообщал, что теперь мог со спокойной совестью уехать, ибо видел главное — бунт, «*émeute*, не большую, но порядочную»: выступление студентов против профессора [102, с. 131].

Свидетелем ночных беспорядков с перестрелкой явился и М. П. Погодин. Наутро из газет он узнал, что «какая-то толпа негодяев, человек 400, разграбила вчера в 4 часа оружейный магазин Лепажа, напала на присутственные места, убила офицера, и устремила в Префектуру полиции и городскую уму с криком: за здравствует Республика!...» [75, ч. 3—4, с. 61—63].

Каковы же итоги путешествия в Париж и впечатления от Франции наших соотечественников? Очень неоднозначные. Не то, чтобы разочарование от увиденного, но не эйфория. Вяземский, понимая, что его письма получаются весьма критичными, отмечал: «Довольно ли наблевал я желчи на Париж?» В то же время, по его словам, он все-таки питал «какое-то тайное, внутреннее убеждение, что здесь со временем можно ужиться и хорошо устроиться» [102, с. 140].

Вероятно, князь Вяземский, как аналитик, рассуждающий и болеющий за судьбу России, размышляет и о будущем Франции, причем без особого оптимизма. Он полагал, что «французы еще долго будут безумствовать и пакостить. Унять же нельзя... а сами они не уймутся. Разве два-три поколения передижерируют эту кашу, а не прежде» [102, с. 142]. Как показала дальнейшая история Франции, во многом князь Вяземский оказался прав.

Не испытывая никаких симпатий к представительному правлению и критически воспринимая Июльскую монархию, Вяземский рассматривал этот режим как меньшее из зол: «Если французы неспособны к представительной монархии, то еще менее способны они к республике...» [102, с. 136]. И далее он очень здраво рассуждает о позиции европейских держав, которую они должны были занять после Июльской революции: «...зная французов, должно было сказать им спасибо, и за то, что они не сделали хуже...

Новому правительству должно было дать руку помощи, *pour son beaux yeux*¹, но для собственной пользы, ибо в лице Филиппа, как ни называй его *usurpateur*, все-таки сосредоточилось правило монархическое, хотя несколько искаженное, но еще довольно могущее» [102, с. 137].

Если Вяземский причины нестабильности усматривал в представительном правлении, то для Строева корень неурядиц крылся в самом характере парижан, а именно их честолюбии и корыстолюбии: «Всяк хочет быть первым, начальствовать, управлять, забывая, что на такое огромное число начальников не достанет наконец подчиненных» [74, ч. 1, с. 111]. Причину честолюбия Строев усматривал в «... бесконечных переворотах, потрясавших Францию, и доставивших известность таким людям, которые, казалось, родились для горького забвения» [74, ч. 1, с. 149]. Непомерное честолюбие влечет за собою другое зло, чрезвычайную жажду обогащения: «Кратчайший путь в министры идет через депутатство... нельзя быть депутатом, не быв богатым человеком... Стало быть, парижские честолюбцы, стремящиеся в депутаты, непременно должны начать свое поприще обогащением» [74, ч. 1, с. 112].

Наши соотечественники успели побывать за границей вовремя. В 1839 — 1840 гг. резко обострился Восточный вопрос, что спровоцировало осложнение российско-французских отношений и русофобскую волну во Франции. Россия пошла на еще большее ограничение контактов с Европой: в 1840 г. была повышена пошлина на оформление паспортов. В тот самый год, когда наши интеллектуалы посетили Париж, в России побывал маркиз Астольф де Кюстин, а в 1843 г. увидела свет его книга — «Россия в 1839 году», ставшая самой известной работой о России, в массовом сознании воспринимаемой не иначе, как русофобская. В 1844 г. пошлина на оформление паспортов достигла заоблачных 700 рублей, которые могли позволить себе заплатить весьма состоятельные люди. В этом же году был установлен возрастной ценз для выезжающих за границу. Отныне туда мог попасть россиянин не моложе двадцати пяти лет [7, с. 87]. А Париж, тем более запретный, продолжал оставаться таким же манящим и загадочным...

1

Не ради красивых глаз.

Раздел 4. Российско-французские отношения в годы Июльской монархии

4.1. Июльская революция: от непризнания к признанию

Александр I оставил Николаю нечто вроде «внешнеполитического завещания». Его главной заботой была безопасность Европы, в том числе и России, как ее составляющей. Перед своей последней поездкой на юг в 1825 г. император наставлял преемника: «В Европе повсюду революционное настроение умов. Оно проникло в Россию, хотя и притаилось. Мы должны при помощи Божественного Провидения усугубить свою бдительность и свое рвение. Государи ответственны перед Богом за сохранение порядка и благоустройства среди своих подданных. Тебе, любезный брат, предстоит совершить важное дело, начатое мной основанием Священного союза царей» [11, с. 269].

Николай трепетно относился ко всему, что считал завещанием старшего брата, и выполнял заветы Александра с особым усердием. Но при этом его личные черты и взгляды не могли не придавать своеобразия российской внешней политике. Не обладая дипломатическим даром императора Александра, не умея так тонко, как старший брат, вести политическую игру на европейской шахматной доске, Николай делал упор на военный авторитет России в Европе. «Прямодушие и честность — вот характеристика нашей политики» — эту фразу Николай выделил на полях учебного курса, подготовленного для чтения наследнику, и собственноручно приписал: «и нашей истинной силы» (*et notre veritable force*) [11, 270].

Июльская революция не стала для Николая Павловича неожиданностью, как не была она таковой и для просвещенной части российского общества. Во Всеподданнейшем отчете III отделения за 1830 г. отмечалось: «Почти всякому грамотному было известно, что Франция в последнее время управлялась мистиками и иезуитами. Чувство ненависти к иезуитам присуще всем русским, и оно постоянно возбуждается историческими воспоминаниями и традициями... Вследствие этого большая часть общества встретила известие о падении правительства Карла X с некоторым удовлетворением» [24, с. 69].

Революция пугала Николая I не столько тем, что грозила захлестнуть Россию, сколько нарушением того миропорядка, который был установлен Венской системой и последующими конгрессами Священного союза. Кроме того, изменения, стремительно происходившие в европейских странах, шли вразрез с теми порядками, которые упорно и кропотливо создавал Николай. Понятно, что согласиться с изменениями,

происходившими в Европе, Николай Павлович не мог, а потому стремился всячески оградить собственных подданных от «разрушительного» влияния европейских событий.

Помимо личной неприязни императора Николая к «королю баррикад» Луи-Филиппу и его нежеланию примириться с существованием режима, имеющего революционное происхождение, следует учитывать и такой не менее важный фактор, как опасение русского правительства по поводу возможного изменения расстановки сил в Европе, неблагоприятной для России вследствие наметившегося сближения орлеанистской Франции с Великобританией. В лице Карла X император Николай терял союзника, в Луи-Филиппе, друге Англии, он мог видеть для себя только врага.

Для Николая Павловича события, разворачивавшиеся в Европе — это настоящая драма, а он, как драматический актер, герой, должен все испытать и всех победить: «Вот моя исповедь <...>, она серьезна, решительна, она ставит нас в положение новое, одинокое, но, - я осмелюсь высказать это, почетное и достойное нас. Кто посмел бы напасть на нас? А если бы посмел, я был бы уверен в поддержке страны...» [72, с. 181]

17 августа к барону Бургоэну явился военный министр граф Чернышев с уведомлением, что император Николай прерывает дипломатические отношения с Францией. Помимо этого, были приняты следующие ограничительные меры: всем русским, полякам и финнам было предписано покинуть территорию Франции (Париж в восьмидневный срок, провинциальные города — как можно скорее); запрещался въезд в Россию и вводился запрет на пребывание на территории Российской империи французских подданных; запрещался допуск в русские порты судов под трехцветным французским флагом; устанавливался строгий контроль над путешественниками-подданными Российской империи, пребывавшими за границей [176, л. 30 об., 88-89 об.].

Для выяснения позиций европейских абсолютистских дворов и выработки согласованной линии поведения с правительствами Австрийской империи и Пруссии, Николай I отправил в Вену и Берлин генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова и генерала И.И. Дибича.

Между тем, европейские монархи четко понимали, что без участия Франции стабильность в Европе была невозможна: изолированная, и, как следствие, нестабильная, Франция всегда являлась бы очагом пропаганды, катализатором революционных потрясений в Европе. Император Николай и сам был рациональным политиком (и хорошим актером, как мы помним!). В Вене и Берлине к интервенции во Францию были

не готовы; «всегда готовый стусеваться» министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде оказался вовсе не таким и вовсе не «киселем вроде». Уже 18/30 августа в депеше Ш.-А. Поццо ди Борго граф Нессельроде писал: «...главная цель союзных держав заключается в том, чтобы оставаться в мире с Францией, пока та захочет оставаться в мире с ними; отказываться от вмешательства в ее внутренние дела, пока она сама будет воздерживаться от всякой агрессии против своих соседей и от любых революционных махинаций за своими границами» [177, л. 96 об.].

В результате в течение сентября — октября 1830 г. король Луи-Филипп и режим Июльской монархии были признаны всеми монархами Европы, за исключением короля Португалии дон Мигеля и герцога Моденского.

Как видим, Николай I, этот «рыцарь самодержавия», верный своим идеалам, оказался политиком весьма рациональным. В сентябре 1830 г. меры в отношении французских подданных были смягчены: французы, проживавшие на территории России, Польши или Финляндии, а также торговцы, занимавшиеся экономической деятельностью на территории Российской империи, получили разрешение вернуться [179, л. 140-140 об.].

Что касается российских подданных, то в соответствии с указом от 27 апреля 1834 г. были определены правила их пребывания за границей. «Срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом» по этому указу составлял пять лет для дворян, для «всех прочих состояний» — три года; для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что было явлением весьма редким. В 1840 г. была повышена пошлина на оформление заграничных паспортов. Через четыре года она достигла заоблачных 700 рублей, которые могли позволить себе заплатить весьма состоятельные люди.

В соответствии с Уставом о пошлинах 1842 г. (свод законов. т. 5), «заграничные паспорта выдаются или безденежно, или с взиманием... Безденежные паспорта получают одни только лица, отправляющиеся за границу по назначению правительства, для дней службы» [218, л. 3].

В 1844 г. был установлен возрастной ценз для выезжающих за границу. Отныне туда мог попасть россиянин не моложе двадцати пяти лет [7, с. 87].

Между тем, несмотря на признание режима, натянутость в отношениях Луи-Филиппа с европейскими монархами была преодолена далеко не сразу. Император Николай I так никогда и не называл Луи-Филиппа *«братом»*, как это было принято по

монаршьему этикету. Если император Николай так и не называл Луи-Филиппа *братом*, то французский король постоянно прилагал усилия для нормализации отношений с российским императором, проявлял особую заинтересованность в установлении доброжелательных отношений с Россией и непосредственно с императором Николаем. Потребовалось восемнадцать лет, чтобы император сменил гнев на милость, потребовалась очередная революция, чтобы он был готов скакать во Францию (по крайней мере, декларативно) и защищать теперь уже повергнутого «не брата» Луи-Филиппа.

4.2. Российские дипломаты в Париже

В условиях непростых отношений между странами, а также по причине географической отдаленности важная роль принадлежала дипломатам: от того, как они будут себя вести, как реагировать на текущие события, зависело весьма многое. В случае с графом Ш.-А. Поццо ди Борго, послом России во Франции в 1814—1834 гг. даже очень многое. Именно граф Шарль-Андре, или, на русский манер, Карл Осипович Поццо ди Борго, испытал на себе весь жар июльских дней 1830 года. Корсиканец, закадычный друг юности Наполеона Бонапарта, тогда еще Наполеоне Буонапарте, а впоследствии его кровный враг, он занимал этот пост с 1814 г., как только во Франции была реставрирована монархия Бурбонов. Убежденный сторонник франко-российского союза, в первые годы Реставрации он немало содействовал гармоничному развитию отношений между двумя странами. Во многом благодаря Поццо ди Борго после Июльской революции отношения между нашими странами были сохранены.

В России имя «Поццо ди Борго» стало нарицательным. Князь П.А. Вяземский, собираясь в Париж в 1838 г., писал о таком курьезе: «Нужно ли мне представиться к Поццо-ди-Боргу, — спрашивал в Берлине какой-то Огарев. — Да он в Париже, отвечают ему. — Нет, я говорю о здешнем Поцце-ди-Борге — дело в том, что он полагал, что все наши послы и посланники именуются Поццо-ди-Борго» [59, с. 120].

Июльская революция 1830 г. не стала неожиданностью для главы российского посольства. Причины революции он усматривал, прежде всего, в фатальных ошибках короля и неумелых действиях правительства. Он писал 27 июля (8 августа) 1830 г. князю Х.А. Ливену, заменявшему тогда вице-канцлера К.В. Нессельроде, что «причины этого важного события кроются главным образом в слепом упрямстве короля», в его незнании современной Франции и в проведении политики, «противоречащей идеям, нравам и интересам почти всех его подданных» [183, р. 323-324]. Аналогичное мнение Поццо ди Борго излагал в письме графу К.В. Нессельроде от 13 (25) августа 1830 г.: «Карл X с

помощью иезуитов в монашеской рясе и светском обличии, а также своего рокового человека — князя Полиньяка оправдал все мои предчувствия относительно своего скорого краха, и, к сожалению, — даже с лихвой. Вы любезно писали мне из Варшавы, что я слишком мрачно смотрю на дела Франции; события же со всей очевидностью доказали, что я был недостаточно пессимистичен» [142, т. XVII, с. 62].

Российским дипломатам был отправлен циркуляр, в котором им предписывалось «оставаться в роли простых наблюдателей и избегать публичных высказываний относительно изменений, произошедших во Франции» [184, л. 141]. Несмотря на разрешение Поццо ди Борго остаться в Париже, его положение было весьма деликатным; он сам для себя еще не решил, стоит ли оставаться во Франции. Он писал К.В. Нессельроде 13 (25) августа: «Нужно иметь железные нервы, чтобы не прийти в расстройство от столь великих потрясений; Вы, конечно, представляете себе, насколько это должно было затронуть меня лично во многих отношениях; тем не менее, я стараюсь соответствовать обстоятельствам и приносить еще какую-нибудь пользу» [142, т. XVII, с. 42, 62].

В отличие от императора Николая I, граф Поццо ди Борго с самого начала занял весьма умеренную позицию по отношению к Июльской монархии и королю Луи-Филиппу. Негативно оценивая события революции 1830 г., Поццо ди Борго считал целесообразным действовать, исходя из принципа «наименьшего зла»: нужно признать новый политический режим и нового короля как меру, необходимую для общеевропейской стабильности. Девизом политики Поццо ди Борго можно считать его же собственные слова из письма к К.В. Нессельроде от 8 (20) сентября 1830 г.: «С тех пор, как произошло непоправимое свержение Бурбонов, я стремился избежать установления во Франции республики».

Называя Июльскую монархию «аномалией», правлением короля, находящегося «во главе республиканских учреждений», Поццо ди Борго сомневался в возможности формирования стабильной политической системы во Франции. Он писал: «Надеяться, что Франция в ее нынешнем состоянии сможет на равных основах договариваться с иностранными дворами, внушая им уверенность в том, что ее стабильное развитие не будет омрачено какими-либо непредвиденными событиями, — это значит обманывать себя» [185, л. 21 об.- 22].

Надежды Поццо ди Борго на нормализацию русско-французских отношений не оправдались. Польское восстание и его подавление российскими войсками еще больше их

осложнило. Поэтому при малейшей возможности дипломат стремился уехать из страны, которую он называл своей второй родиной. Граф с горечью отмечал: «Франция сегодня уже не та, что в 1815 г., когда она была благодарна императору Александру I, сохранившему ей территорию, сильные позиции в Европе и национальную честь» [186, л. 202]. В конце мая 1832 г. он отправился в путешествие в Санкт-Петербург, а оттуда — в Берлин, Вену и Мюнхен, вернувшись в Париж только в октябре; часто он подолгу задерживался в Лондоне.

Крушение политических надежд Поццо ди Борго усугублялось его личным пессимизмом; он себя ощущал старым, уставшим от жизни человеком. Еще в 1829 г. он сообщал в личном письме графу Нессельроде: «... я приближаюсь к концу своего пути, где всех нас встречает не надежда, а смерть. Как бы то ни было, остаток моей жизни и моих сил принадлежат императору, а прошлое — залог будущего» [172, т. VIII (XVI), с. 183].

В конце декабря 1834 г. вице-канцлер Нессельроде сообщил Поццо ди Борго о его переводе в Лондон. 5 января 1835 г. он официально был назначен послом Российской империи в Великобритании.

28 декабря 1839 г. высочайшим рескриптом граф Поццо ди Борго был уволен с государственной службы. Он не вернулся на родной остров и не отправился в Россию. Те немногие годы, что ему еще отвела судьба, он провел в Париже, в превосходном отеле на улице л' Юниверсите, который он приобрел, еще будучи в Лондоне. Старый и больной, Поццо ди Борго умер 15 февраля 1842 г. Похоронен он был в Париже на кладбище Пэр-Лашез.

Почти год пост посла России во Франции оставался вакантным. В конце 1835 г. на эту должность был назначен генерал от кавалерии, генерал-адъютант граф Петр Петрович фон дер Пален (1777—1864), участник всех основных кампаний с 1796 по 1831 гг. Петр Петрови был вторым сыном петербургского губернатора Петра Палена. Ему было предписано предоставить верительные грамоты не королю Луи-Филиппу, а премьер-министру, поскольку в них отсутствовало традиционное обращение «*Государь, брат мой*». Давая инструкцию новому послу, К.В. Нессельроде писал: «Ввиду расхождения в принципах, которыми руководствуются Россия и Франция, их отношения не могут быть ни тесными, ни проникнутыми доверием» [187, с. 102]. Проспер де Барант, получивший назначение на посольский пост в Санкт-Петербург, также был встречен в российской столице также весьма прохладно.

Император Николай писал по поводу назначения Палена: «Это человек, которого выбрал я сам, он будет проводить дипломатию, как я это мыслю, в духе лояльной военной политики; я признателен ему за то, что он уступил моим настояниям и принял этот пост».

В период охлаждения русско-французских отношений граф Пален заслужил всеобщее уважение парижан. Когда однажды была поставлена пьеса, оскорбительная по своему содержанию для русского правительства, посол обратился к публике из своей ложи с вопросом, согласна ли эта постановка с чувствами чести и порядочности, врожденными французам; пристыженные слушатели добились запрета пьесы.

Частая смена послов не позволила русской миссии в Париже принимать полноценное участие в светской жизни. Кроме того, как отмечал посол Австрии в Париже граф Рудольф Аппоньи, царь выделял русским дипломатам весьма скромные суммы. Поэтому в октябре 1838 года граф П.П. Пален оказался в деликатном положении: несмотря на двухмесячные поиски, он так и не смог найти себе достаточно просторное жилье за 1,5 млн франков. Поэтому он решил нанять для посольской канцелярии маленький особняк в Париже, а для себя снять на лето поместье Тюильри в Отее, в котором прежде проводило лето семейство Аппоньи [103, с. 146]. В 1839 г. российское посольство переместилось на Вандомскую площадь.

Отметим, что Петр Петрович, оправдывая ожидания императора, полагавшего, что посол будет послушным инструментом его политики, не стал сближаться с парижским светом и двором. Как верно отмечал П.П. Черкасов, «...выбор Палена в качестве посла при дворе Луи Филиппа был совершенно осознанным. Русский самодержец явно желал показать «королю-гражданину, что не намерен излишне деликатничать с «фальшивой» Июльской монархией» [188, с. 192]. При графе Палене в русском посольстве очень редко устраивали большие приемы, а русские подданные, оказавшиеся в Париже, жаловались на отсутствие протекции со стороны посла [90, с. 180].

В конце 1841 г. в отношениях между Францией и Россией возник дипломатический инцидент, в результате которого уровень дипломатического представительства был понижен. Российские интересы вплоть до 1848 г. представлял поверенный в делах Николай Дмитриевич Киселев (1802—1869). В 1855—1864 гг. он был послом в Риме и Флоренции, с 1864 г. послом в Италии. В 1868 г. стал действительным тайным советником.

4.3. Французские дипломаты в Санкт-Петербурге

После разгрома Великой армии и отречения Наполеона в 1814 г. слава и престиж России в европейской политике потребовали от правительства Реставрации поддержания в ней значительного посольства. Июльская монархия не решилась порвать с этой традицией, несмотря на напряженность в двусторонних отношениях. Даже в период с 1842 по 1848 г., когда посольство управлялось поверенными в делах, посол Проспер де Барант сохранил свою должность и был готов вернуться в Петербург в любой момент, удовлетвори император Николай французским требованиям.

Всего за 35 лет, истекшие между 1814 и 1848 г., в Петербург было направлено около полусотни дипломатов разных рангов, от послов до атташе. На дипломатических постах сменяли друг друга послы Ноайль, Лаферронэ, Мортемар (дважды), Мортье, Мезон, Барант, а также посланник Бургоэн.

Посольство Франции располагалось во дворце Волконского, на набережной Невы, напротив Петропавловской крепости. Здание посольства не сохранилось. Сейчас на этом месте находится здание, построенное по проекту А. И. Резанова в 1867-1872 гг. для президента Академии художеств — великого князя Владимира Александровича, сына императора Александра II. С 1920 г. в здании размещается Дом ученых имени М. Горького Российской академии наук. До строительства дворца участок земли под ним принадлежал сначала И. А. Мусину-Пушкину, потом здесь был построен особняк Д. П. Волконского, а в начале XIX в. сюда переехало французское посольство. Собственная резиденция, подаренная посольству императором Александром I в 1808 г. для скрепления Тильзитского союза, свидетельствовала о значимости французского представительства [192, с. 69].

На взгляд из Парижа и для честолюбивого человека, посольство в российской столице могло показаться слишком отдаленным. Климат также являлся достаточно тяжелым испытанием. Тем не менее, реальная политическая значимость представительства в России подпитывала интерес к нему. Граф Луи де Сент-Олер, посол Франции в Вене, писал барону де Баранту в 1836 г., сравнивая их должности: «Наша миссия состоит в том, чтобы убирать с дороги камни, которые могут стать причиной дорожной тряски; за пять лет мне удалось убрать несколько камешков. Ваша миссия более значительна — ваша задача в том, чтобы убрать с дороги огромную глыбу, о которую споткнется мирная колесница, если ее оставить долго лежать на большой дороге» [192, с. 71].

От послов требовалась чуткая реакция на политическую конъюнктуру. При этом они должны были руководствоваться директивами, инструктивными записками, циркулярами министерства [192, с. 72]. По причине медлительности сообщений в первой половине XIX в., инструктивные записки не поспевали за изменениями политической ситуации. Требовалось в среднем четырнадцать дней, чтобы письмо прошло путь от Парижа до Петербурга. Однако зачастую время ожидания увеличивалось вдвое вследствие плохого состояния дорог, особенно после таяния снега и разлива рек, а также небрежности почты и препятствий, чинимых курьерам на границе. В результате, инструктивные записки составлялись скорее в общих выражениях, нежели давали подробные указания. Министерству иностранных дел приходилось рассчитывать на «здравый смысл» дипломатов, которые должны были брать инициативу на себя или импровизировать. Конечно, в таких случаях дипломат должен был сообразовываться с мнением своего правительства, изложенной в директивах, полученных им накануне отъезда. Но при этом у него всегда оставалась возможность более или менее широкой трактовки директив. Многое зависело от личности посла, от понимания им ситуации и русско-французских отношений в целом [192, с. 72].

Сочувствие большинства французских политических деятелей восставшим полякам еще больше раздражало императора и настраивало его против Июльской монархии. Хотя формально дипломатические отношения между двумя государствами были восстановлены в сентябре 1830 г., реальные политические контакты двух держав свелись к минимуму. Понятно, что в этих условиях французские послы при русском дворе сталкивались с немалыми трудностями [90, с. 150] и порой чувствовали себя как в стане врага.

Итак, кто представлял интересы Франции в России?

Начнем с Казимира-Луи-Викторьена де Рошешуара, герцога де Мортемара (1787—1875). Он узнал о своем назначении послом в марте 1828 г., когда Российская империя была занята подготовкой к войне с Османской империей. Обстоятельства требовали, чтобы во главе посольства был поставлен профессиональный военный, и герцог Мортемар как нельзя лучше подходил для этой цели. Потомок знатного рода, он мог поставить себе в заслугу безупречную военную службу в качестве генерала армии Наполеона. При российском дворе Мортемар был последним представителем короля Карла X и первым послом Луи-Филиппа.

Накануне Июльской революции, в мае 1830 г. посол Франции герцог Мортемар отправился во Францию, оставив вместо себя поверенного в делах П. Бургоена, с которым император Николай был в постоянном контакте, учитывая социально-политическую нестабильность во Франции. Как отмечал Бургоэн, Николай убедительно рекомендовал Мортемару «передать от его имени королю Карлу X советы по умеренности и сохранения конституции. Его опасения за Францию и за короля, которого он называл своим другом, беспрестанно возобновлялись; но часто, получив через своего посла, генерала Поццо-ди-Борго, успокоительные известия, он говорил мне по утрам на параде, где я его почти каждый день видел: «Я получил очень хорошее известие; надеюсь, что там будут поступать благоразумно» [64, с. 220].

Сердечность отношений уступила место напряженности с августа 1830 г., когда в Россию дошли первые сведения о смене династии на французском троне. Для французского министерства, возглавляемого Ж. Лаффигом, было важно иметь в Санкт-Петербурге надежного человека. Назначение Мортемара вызвало пересуды в легитимистских кругах, где обычно делали выбор в пользу внутренней эмиграции. Герцог был заподозрен в секретных симпатиях к Орлеанской династии, даже в слабости. Но сам он определил свою миссию как чрезвычайную. Во время июльских событий герцог находился во Франции, а возвратился в Петербург в том же звании в конце января 1831 г.

Во дворце Пале-Рояль, резиденции Луи-Филиппа, надеялись, что Мортемар сможет примирить императора Николая I с Июльской монархией. Для Луи-Филиппа нормализация отношений с Россией была чрезвычайно важна. 9 января 1831 г. Луи-Филипп направил Николаю письмо об аккредитации герцога Мортемара в качестве чрезвычайного представителя Франции в России. В письме короля отмечалось, что ожидая маршала Мортье, «... мы сочли допустимым немедленно отправить чрезвычайного посла ко двору Вашего императорского величества, дабы поддержать и укрепить отношения дружбы, столь необходимые для взаимных интересов Франции и России, особенно в тех важных обстоятельствах, в которых находятся сегодня кабинеты великих держав Европы» [195, л. 3].

Однако король Луи-Филипп ошибся. Военные парады, на которых посол и император гарцевали верхом на лошадях, позволили Мортемару обрести прежнюю фамильярность в отношениях, но не прежнюю доверительность. Более того, аргументы посла в пользу необходимости скорейшего урегулирования русско-польского конфликта с помощью посредничества европейских стран вызвали гнев императора.

Несмотря на начавшееся восстание в Польше и на французские манифестации в Палате депутатов в пользу инсургентов, официальные отношения между Россией и Францией не изменились. Как вспоминал Бургоэн, император с удовольствием воспринял известие о возвращении герцога Мортемара и принял его с прежними чувствами благосклонности [64, с. 842].

Но положение Мортемара серьезно изменилось. Франция, бывшая прежде в глазах императора самой дружественной державой, стала теперь предметом его недоверчивости и даже вражды. Восстание в Польше сильно укрепило это чувство. Одним из постоянных аргументов императора было то, что король Луи-Филипп увлекается демократическими волнами, которые непременно приведут Францию к новым революциям и к европейской войне. Наполеон был в глазах императора примером необходимой и энергичной власти, чтоб укротить неповиновение народов в нашем веке.

После того как польский сейм провозгласил низложение Николая I 25 января 1831 г., всякие увещевания были тщетны. В июле французское посольство оказалось в тяжелой ситуации. В Петербурге то и дело вспыхивали холерные бунты. Несколько смертей от холеры, имевших место в здании посольства, грозили послу народной расправой. В своем бешенстве народ вымещал гнев на докторам и иностранцах, которых принимал за отравителей. Второе посольство Мортемара длилось 8 месяцев, до августа 1831 г. [192, с. 76-77].

Летом 1831 г. Мортемар счел необходимым, чтобы Бургоэн отправился в Париж, куда он прибыл в начале июня 1831. С Луи-Филиппом Бургоэн лично не был знаком [64, с. 843]. Король посоветовал дипломату как можно скорее отправиться обратно, поскольку Мортемар снова получил отпуск [64, с. 850].

В результате главным представителем Франции стал поверенный в делах барон Поль де Бургоэн. Он руководил посольством до середины апреля 1832 г. Еще в 1827 г. он стал первым секретарем посольства; получил ранг посланника за услуги, оказанные им режиму Луи-Филиппа летом 1830 г. В прошлом офицер армии Наполеона, он был участником русско-турецкой войны и пользовался расположением императора Николая Павловича. Его репутация бонапартиста помогала ему, без сомнения, принять новый режим и трехцветную кокарду.

После Июльской революции Бургоэну пришлось вести с Николаем сложные разговоры в связи с польским восстанием. Бургоэн в это время вернулся из Франции в

Петербург, получив титул уполномоченного министра вместо поверенного в делах. Сразу отправился в Елагин дворец, где состоялся разговор о Польше. Николай говорил, как Россия много сделала для Польши. В 1832 г. Бургоэну пришлось покинуть Россию во многом именно из-за разногласий по польскому вопросу.

Послом Франции в России в 1832 г. стал маршал Адольф-Эдуард-Казимир-Жозеф Мортье, герцог Тревизский (1768—1835). Мортье, сын состоятельного торговца полотном, завоевал славу и титул на полях сражений. Для него посольский пост был лишь эпизодом в карьере, которая по возвращении его в Париж продолжилась в министерском кресле. Мортье пробыл на дипломатическом посту в России не более полугода и на этом поприще нисколько не преуспел. Скромный и честный, Мортье не был достаточно крупной личностью, чтобы внушить Николаю I почтение к своей персоне.

Следующим за Мортье на пост посла Франции в России был назначен другой маршал — Николя-Жозеф Мэзон (1771—1840), как и его предшественник, «дитя революции». Сын крестьянина, он был обязан славой и графским титулом службе в пехоте. Дивизионный генерал Империи, он продолжил военную карьеру при Реставрации. В первые дни января 1833 г. стало известно о его назначении в Петербург. Посол, однако, не торопился с прибытием в Россию, проведя целый год в Берлине. Вероятно, причиной длительного отсутствия были не столько проблемы со здоровьем, как значилось в официальной версии, сколько Восточный кризис 1833 г., усиливший напряженность в двусторонних отношениях. Протест главы кабинета герцога Л.-В. де Броя против Ункяр-Искелесийского договора о русско-турецком оборонительном союзе был составлен в резких тонах. Поэтому вполне понятно, что в Париже предпочли подождать, прежде чем направлять посла в российскую столицу, где он рисковал натолкнуться на холодность императора и его окружения.

Подобно Мортье, Мэзон был сторонником крепкого союза с Великобританией, чтобы, опираясь на ее поддержку, заставить Россию уважать режим Июльской монархии. И хотя посольство Мэзона не ознаменовалось серьезными успехами, свою главную цель, состоявшую в том, чтобы добиться, по меньшей мере, внешнего доброжелательства со стороны Николая, он достиг. С момента его приезда в положении французского посольства наметилось некоторое улучшение. Мэзон являлся живым напоминанием об идиллическом периоде франко-российского согласия 1828 г.

Преемником двух маршалов на посту главы посольства стал гражданский дипломат, барон Проспер де Барант. Аристократ, известный ученый, умеренный политик,

администратор с многолетним стажем, Барант весьма подходил для дипломатической деятельности, как бы олицетворяя умеренность Франции, ее приверженность традициям и интеллектуальный потенциал.

В результате дипломатического инцидента, возникшего в двусторонних отношениях в конце 1841 — начале 1842 г. уровень дипломатического представительства между двумя странами был понижен. Несмотря на то, что после 1841 г. барон де Барант не был в Петербурге, он сохранял свой титул до конца правления Луи- Филиппа. Официально в отставку он был отправлен только после Февральской революции, 7 марта 1848 г., министром иностранных дел Временного правительства Альфонсом Ламартином.

Весной 1843 г. появилась надежда на возвращение послов, но ни одна из сторон не желала идти на уступки. Гизо поставил условием соблюдение Николаем принятых между государями формальностей, и диалог был прерван, едва начавшись. Барант не вернулся в Россию, но сохранил звание посла до 1848 г. Посольством продолжали руководить поверенные в делах: Альфонс де Райневаль с 1844 по октябрь 1847 г., когда его сменил Анри Мерсье.

Раздел 5. Политика «европейского концерта» и российско-французские отношения

5.1. Венская система международных отношений: у истоков формирования многополярного мира

Современные международные отношения отличает не только беспрецедентная динамика, но сложность и многомерность. Это система формирующаяся, подвижная, и как она будет развиваться — вопрос неоднозначный. Дело в том, что международные системы являются примером сложных систем, обладающих той особенностью, что контроль над отдельными частями системы еще не гарантирует контроля над системой в целом. Отсюда сложность долгосрочных прогнозов: их результат зависит от самых незначительных колебаний в исходных данных.

После распада Советского Союза биполярный мир канул в Лету, и в системе международных отношений наметилось два возможных вектора развития: с одной стороны, формирование многополярного мира (о феномене многополярности одним из первых начал говорить Е.М. Примаков); с другой стороны — формирование однополярного мира, основанного, как и в былые времена, на политике силы и праве сильного. Однако монополярный мир, который, казалось, имел шансы на реализацию на рубеже XX — XXI веков, не состоялся. Это связано с восстановлением позиций России на международной арене, ее активной политикой и формированием при ее непосредственном участии новых центров силы. Как бы этого не хотелось некоторым игрокам, или «актерам», как их сейчас называют, мирового политического процесса, но формирующаяся система международных отношений — это система многополярная и многомерная.

Подобный опыт многополярного мира в истории уже был. Современные международные отношения все больше напоминают европейскую политику XIX века, когда традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, а также образование и распад союзов. Поэтому интерес к Венской системе международных отношений, основанной на многополярности, когда политическая карта разыгрывалась пятью ведущими участниками «европейского концерта», является не просто научным, но и практическим².

2

О современных подходах к Венской системе международных отношений см.: Материалы IX Конгресса РАМИ. 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии.

Венская система международных отношений сформировалась в Европе после окончания наполеоновских войн и крушения наполеоновской империи. Именно войны, в которые была вовлечена Европа на протяжении четверти века, заставили лидеров европейских стран искать взаимоприемлемые решения, учиться договариваться, уступать, дабы не допустить повторения столь масштабного кровопролития. Это был первый опыт подобной политики в европейском, а в тех условиях — мировом, масштабе.

Система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн, она лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и умеренность. Венская система оказалась весьма пластичной конструкцией, снабженной механизмом сдержек и противовесов. При наличии неизбежных противоречий внутри «европейского концерта» интересы сохранения мира в течение долгого времени преобладали над «частными видами» и рискованными искушениями.

Венская система просуществовала почти сорок лет, обеспечив Европе беспрецедентно длительный период стабильного и мирного развития. А если учесть, что в западной историографии хронологические рамки Венской системы доводятся до Первой мировой войны, то получится столетний период.

Опыт существования Венской системы является весьма важным и поучительным. Во-первых, это поиск компромисса и необходимости сочетать национальные интересы и проблемы европейской безопасности. Такую политику осуществлять всегда сложно: речь идет о так называемой «дилемме безопасности», когда то, что одно государство воспринимает как защиту своих национальных интересов, другим государством может трактоваться как посягательство на его национальные интересы. Баланс между национальными и общеевропейскими интересами было очень непросто находить, но лидерам «пентархии», то есть пятерки «великих держав», участников «европейского концерта», это до поры до времени удавалось.

Европейские монархи были вынуждены идти на взаимные уступки. Это проявилось уже в ходе работы Венского конгресса, который не раз оказывался на грани срыва. Победенная Франция — главный возмутитель спокойствия и агрессор — не подверглась унижению, а уже в 1818 г. была возвращена в состав «европейского концерта». Поэтому Венский конгресс, в отличие от Версальского 1919 г., не породил столь оголтелого

реваншизма, при том, что реваншистский элемент всегда присутствовал в политике Франции с 1815 по 1853 гг.

Искать компромиссные решения пришлось европейским политикам и в революционном 1830-м году. Император Николай I, крайне негативно воспринявший события Июльской революции 1830 г. во Франции и приход к власти короля Луи-Филиппа Орлеанского, которого он до конца своих дней считал узурпатором престола, отказался от первоначальной идеи организации вооруженной интервенции во Францию с целью восстановления на престоле Карла X. Николай Павлович был политиком весьма рациональным, хоть и импульсивным, и в итоге согласился, что вооруженная интервенция чревата общеевропейской войной.

В другом важном вопросе — бельгийском (связанном с восстанием в Брюсселе и образованием независимой Бельгии), Николай также по размышлении отказался от организации вооруженной интервенции с целью оказания помощи королю Нидерландов, а бельгийская проблема была перенесена на обсуждение Лондонской конференции, признавшей в итоге независимость бельгийского государства.

Франция, с свою очередь, отказалась от столь милой сердцу многих французов идеи аннексии ряда бельгийских территорий, а также от кандидатуры сына короля Луи-Филиппа герцога Немурского на вакантный бельгийский престол: с таким решением никак не могла согласиться Великобритания. Король Луи-Филипп понимал: то, что он считал соответствующим интересам Франции, другие державы восприняли бы как посягательство на европейское равновесие сил. А идея равновесия сил, баланса сил — это важнейший принцип функционирования Венской системы.

И в дальнейшем Франция будет идти на уступки во внешней политике: в частности, откажется от выгодных условий по итогам войны в Марокко в 1844 г., в том же году пойдет на компромисс в так называемом «деле Притчарда» из-за Таити. В этих случаях французское правительство уступило Великобритании, понимая, что так называемое «сердечное согласие» с ней важнее, поскольку является залогом стабильности в Европе. Однако такая компромиссная политика шла вразрез с общественным мнением: французы все еще жили в плену «наполеоновской легенды» величия Франции, ее лидирующего положения в Европе, поэтому умеренную и компромиссную политику правительства воспринимали не иначе как антинациональную. То есть изучение Венской системы выводит нас еще на одну проблему: соотношение между внешнеполитическим курсом властей и позицией общественного мнения.

Еще один пример компромиссной политики: Франция и Великобритания не пошли на вмешательство в польский вопрос в начале 1830-х гг., понимая, что если в бельгийском вопросе была возможна ревизия Венской системы, то применимо к польской проблеме это было чревато общеевропейской войной, поскольку Россия не могла допустить вооруженного вмешательства других держав в ее внутреннее дело.

Второй важный компонент Венской системы — это периодический созыв общеевропейских конгрессов для решения сложнейших международных проблем. Венская система выдержала испытание целым рядом серьезных международных кризисов и локальных конфликтов, но сумела избежать всеобщей войны. Это и восточный кризис 1820-х гг., и события бурного начала 1830-х гг., и очередное обострение Восточного вопроса на рубеже 1830 — 1840-х гг. Во всех этих случаях сложнейшие вопросы удавалась решать за столом переговоров.

При анализе Венской системы необходимо учитывать еще одно обстоятельство: достигаемое в ходе конференций или дипломатических переговоров равновесие все-таки оставалось зыбким, а «дилемма безопасности» регулярно давала о себе знать. Как только одна из держав усиливала свои позиции, это тут же воспринималось как посягательство на баланс сил. Именно так зачастую воспринималась на Западе внешняя политика Российской империи. Отсюда — пресловутая «русская угроза», и волна русофобии, неоднократно накрывавшая Европу: сначала в 1830 г. после Июльской революции, потом — после подавления Россией Польского восстания, дальше — после заключения в 1833 г. Россией Ункяр-Искелесийского договора с Османской империей, потом в ходе Восточного кризиса конца 1830 — начала 1840-х гг. и как апофеоз — события Крымской войны. Николая на Западе тогда сравнивали с Атиллой, а русских — с новыми гуннами. После подписания Ункяр-Искелесийского договора влиятельный член английского парламента, банкир Т. Аттвуд заявил: «Пройдет немного времени... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные люди». В стенах английского парламента раздавались оскорбительные выпады против Николая I и Екатерины II, называвшейся «чудовищной бабкой чудовищного императора» и даже «разнузданной проституткой» [207, с. 52-53].

Наиболее ярким примером негативного восприятия России как деспотичного варварского государства, чуждого европейской цивилизации, стала нашумевшая работа маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Созданный Кюстином образ России, распространенный и растиражированный на Западе, в основе своей узнаваем и по сей

день. Можно согласиться с мнением известного отечественного франковеда П.П. Черкасова, что «путешествие маркиза имело негативные последствия для репутации Российской империи, которая оказалась основательно «подмоченной» по меньшей мере, на полтора столетия вперед» [107, с. 76]. А популяризация работы маркиза де Кюстина может рассматриваться как наглядный пример такого широко распространенного сегодня явления, как индоктринация — насильственного внедрения в массовое сознание нужных идей и суждений. Книга Кюстина, опубликованная в Париже в 1843 г., сразу же стала европейской сенсацией. Ее официальный издатель за три года выпустил четыре тиража. Одновременно в Брюсселе было выпущено четыре пиратских издания. Вскоре последовали английские, немецкие и датские переводы. Сам Кюстин подсчитал, что за три года продали, по меньшей мере, 200 тысяч экземпляров его книги, что по тем временам считалось невероятным авторским успехом.

Прошло почти двести лет, а проблемы, к сожалению, остаются теми же. Восточный вопрос, несмотря на его юридическую ликвидацию после Первой мировой войны, по сей день остается важнейшим узлом международных противоречий. Именно о Восточный вопрос разбилась Венская система. Уже после заключения Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. западные страны ополчились против России. Это характерная деталь: как только Россия усиливала свои позиции и в Европе актуализировалась тема «русской угрозы», так тут же Великобритания и Франция забывали о своих противоречиях и объединялись против России.

В конце 1830-х — начале 1840-х гг. в спор между турецким султаном Махмудом II и пашой Египта Мухаммедом Али оказались втянуты «великие державы» и вопрос был перенесен на рассмотрение Лондонской конференции. Теперь камнем преткновения стала Сирия, в которой Франция хотела укрепить свои позиции наряду с Египтом. В результате в 1840 г. Франция стала изгоем, а мир оказался на грани войны, поскольку Франция начала лихорадочно вооружаться, и ситуация становилась очень тревожной. Однако королю Луи-Филиппу хватило мудрости отправить реваншиста-Тьера в отставку и призвать к власти умеренного и компромиссного Франсуа Гизо. Да и европейские лидеры отчетливо понимали, что без участия Франции стабильность в Европе была невозможна. Поэтому спустя год Франция вернулась в «европейский концерт», согласившись с условиями Лондонской конвенции 1841 г., пусть и не отражающими интересы Франции. Но стабильность и мир в Европе были важнее, и это отчетливо понимало французское правительство.

Информационная война всегда имеет риск перерастания в войну реальную. Именно так и случилось в начале 1850-х гг. Крымская война, разрушившая европейское равновесие, является напоминанием о том, как хрупок мир, и как легко перейти от войны перемирия к войне пушек. Спустя двенадцать лет после урегулирования Восточного вопроса на Лондонской конференции, «русская угроза» взбудоражила сознание императора Наполеона III. К началу 1850-х гг. европейские лидеры, что называется, потеряли страх: со времен окончания наполеоновских войн прошло почти сорок лет, призрак Наполеона как общего врага уже давно перестал маячить. Если в 1815 г. император Александр I закрыл глаза на действия так называемых «союзников», заключивших за его спиной 3 января конвенцию антирусской и антипрусской направленности, понимая, что приоритетными являются общие задачи борьбы с Наполеоном, то в 1853 г. этого не случилось.

Крымская война со всей очевидностью продемонстрировала слабость системы коллективной безопасности. Интересы отдельных стран редко совпадают полностью, а безопасность одной воспринимается как потенциальная опасность для других («дилемма безопасности»). Устойчивость Венской системы была обусловлена более или менее безопасным соотношением между внутрисистемными противоречиями и способами их устранения, хотя бы и временного. Это соотношение сохранялось до тех пор, пока в сознании политиков реальная польза от всеобщего мира перевешивала потенциальные выгоды от всеобщей войны. В 1853 г. Россию сочли скорее угрозой спокойствию, чем фактором его сохранения.

Крымская война показала, что мнимые интересы возобладали над реальными угрозами, личные эмоции — над трезвым расчетом. Она разрушила Венскую систему и привела к изменению политической карты Европы. Однако основы Венского урегулирования обладали большим запасом прочности и продолжали действовать даже в совершенно иной геополитической обстановке.

Итак, со времени существования Венской системы прошло уже более ста пятидесяти лет, а проблемы, как видим, остаются теми же. Как бы ни была хрупка эта система, она обеспечила Европе беспрецедентный в истории период относительно стабильного существования, когда державы, несмотря на борьбу и взаимные противоречия, до поры до времени могли договариваться и идти на компромисс. Но и эта система не выдержала испытания извечным Восточным вопросом. Конечно, история никого ничему не учит, но, как говорил русский историк Н.И. Костомаров, жестоко

наказывает за незнание ее уроков. Поэтому не учитывать опыт, как позитивный, так и негативный, Венской системы, было бы, по крайней мере, неразумно.

5.2. Николай I: между рыцарскими идеалами и «реальной политикой»

Император Николай I разрывался между рыцарскими идеалами, долгом, как он его понимал, и «реальной политикой». Эта раздвоенность между чувством долга и интересами «реальной политики» неоднократно проявлялась во внешнеполитической линии Николая. Если во внутренней политике господствовал принцип «самодержавие, православие, народность», то во внешней — договоренности Священного Союза. Однако, как отмечал Б. Тарасов, «воплощение принципов христианской политики в реальной действительности было далеко от патриархальной семейственности и религиозной благочестивости» [207, с. 49]. Несмотря на то, что от «политики принципов» к «политике интересов» державы обратятся во второй половине XIX века, сам этот переход был весьма длительным и его черты были намечены уже в первой половине столетия. Со всей очевидностью это проявилось после Июльской революции 1830 г. во Франции, поколебавшей равновесие сил в Европе и внесшей дисгармонию в «европейский концерт».

Не успел Николай I признать ненавистный ему режим Июльской монархии, как его легитимистские принципы вновь были подвергнуты испытанию: 25 августа 1830 г. вспыхнула революция в Брюсселе, охватившая почти все крупные бельгийские города и приведшая к отделению Бельгии от Голландии и образованию самостоятельного государства. 4 октября Временное правительство в Брюсселе объявило о полном отделении своей страны от Нидерландского королевства. Власть голландского короля Вильгельма I была низложена.

После безуспешных попыток подавить бельгийскую революцию собственными силами король Нидерландов обратился за помощью к правительствам Великобритании, Австрии, Пруссии и России. Если Англия, Австрия и Пруссия, хоть и не имели никаких симпатий к мятежным бельгийцам, вовсе не испытывали большого желания помочь нидерландскому монарху в усмирении «мятежников», то российский государь был очень даже готов. Николай I, по его собственным словам, собирался бороться даже «не против Бельгии, а против всеобщей революции, которая все приближается» [133, с. 287]. Военному министру графу А.И. Чернышеву было приказано привести русскую армию в состояние полной боевой готовности, часть войск была направлена к западным границам России. Как отмечал вице-канцлер граф К.В. Нессельроде, «император уже отдал приказы,

чтобы 60-тысячный контингент был сосредоточен на границе империи. Он готов выступить туда, где его присутствие будет необходимо» [134, л. 210]. Царская «угроза» была, однако, невыполнимой во всех отношениях: и войска для этого не были готовы, и казна едва ли выдержала бы подобное испытание, и без предварительного соглашения, по крайней мере с соседними дворами, самодержец действовать в данном случае никак не мог. В результате бельгийско-голландский конфликт был перенесен за стол переговоров в Лондоне. В собственноручной записке Николай так писал о вынужденном признании Бельгии: «Мы признали факт независимости Бельгии, потому что его признал сам король Нидерландов; но не признаем Леопольда, ибо не имеем никакого права на это, поскольку его не признает Король Нидерландов. Однако в то же время не станем скрывать нашего явного неодобрения двойного и фальшивого поведения Короля и отстранимся от участия в конференции» [207, с. 135].

Уступчивость Николая в решении бельгийской проблемы во многом объясняется тем, что все внимание Николая I было поглощено польской проблемой. События в Польше побуждали царское правительство к умеренности в европейской политике, дабы обезопасить себя от попыток вмешательства западных держав во «внутренний» конфликт России.

В очередной раз дилемма между долгом и национальными интересами, как их понимал государь, проявилась в ходе захлестнувшего Европу Восточного кризиса, а вместе с ним и волной русофобии. Русофобские настроения всегда были сильны в Европе, а как только Россия усиливала свои позиции, они еще больше актуализировались. Это случилось после заключения между Россией и Османской империей Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. срок действия которого истек в 1841 г. Очень сильны русофобские настроения были в Англии. После подписания Ункяр-Искелесийского договора влиятельный член палаты общин, банкир Т. Аттвуд заявил: «Пройдет немного времени... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные люди». В стенах английского парламента раздавались оскорбительные выпады против Николая I и Екатерины II, называвшейся «чудовищной бабкой чудовищного императора» и даже «разнузданной проституткой» [207, с. 52-53].

У императора Николая I было два варианта: либо добиваться у султана его продления на новые восемь лет, либо отказаться от договора, ненавистного Великобритании, но за это получить серьезные дипломатические компенсации. Николай, понимая во многом искусственность русско-турецкой «дружбы», предпочел отказаться от

Ункяр-Искелесийского договора, надеясь в дальнейшем совместно с Великобританией решить вопрос о судьбе владений Османской империи.

Кроме того, достигнув договоренностей с Великобританией, царское правительство стремилось решить еще одну важную задачу, а именно изолировать от решения Восточного вопроса Францию. Как отмечал В.В. Дегоев, если у самой Европы страх вызывала перспектива единоличного вмешательства России, то царю самым большим кошмаром представлялась возможность превращения Восточного вопроса в общеевропейскую революцию, затеять которую могла только Франция. Поэтому Николай I решил для начала заключить соглашение с Лондоном об изоляции Франции, а для стимуляции британского интереса к его инициативе твердо объявил об отказе от Ункяр-Искелесийского договора, при условии замены его режимом Проливов, гарантировавшим безопасность России [150, с. 239-240]. Так и случилось, и 15 июня 1840 г. была заключена Лондонская конвенция по делам Востока без участия Франции. Но изоляция Франции привела к резкому обострению ситуации в Европе: во Франции вновь заговорили о реванше и начались лихорадочные военные приготовления. Европейские лидеры прекрасно понимали, что решить Восточный вопрос без участия Франции было невозможно, и поэтому стали искать пути для подключения Франции к соглашению.

Все опасности, которые могли исходить от изолированной Франции, понимал и Николай I. Поэтому он считал небесполезным Францию «проучить», но не доводить возникшие в ходе Восточного кризиса противоречия до широкого вооруженного конфликта [150, с. 242]. Вторая Лондонская конвенция, подписанная 13 июля 1841 г., предоставляла больше прав западным державам для вмешательства во внутренние дела Османской империи и одновременно лишала Россию возможности строить с ней взаимоотношения на двусторонней основе.

Николай I, пойдя на заключение коллективного соглашения по делам Востока, надеялся на достижение в недалеком будущем двустороннего соглашения с Великобританией как наиболее заинтересованным игроком. Прекрасно понимая, какие цели преследует британская дипломатия и не забывая о том, что «англичанка гадит», он решил нанести визит королеве Виктории и поделиться с британскими политиками своей идеей — мыслью о возможном распаде Османской империи и англо-русской договоренности относительно ее наследства. Ко всему прочему, Николая I беспокоило франко-английское сближение, симптомы которого он усматривал в визите королевы Виктории и принца Альберта во Францию в 1843 г. по личному приглашению Луи Филиппа.

У Николая были некоторые основания договориться с Англией. Дело в том, что премьер-министр Роберт Пиль слыл русофилом; еще в большей степени другом России считался лорд Дж. Г. Абердин, полагавший, что по подавляющему большинству вопросов Великобритания вполне могла договориться с Россией. Николай I считал, что к числу таковых вопросов относится и вопрос о судьбе Османской империи. В начале 1844 г. Николай дал понять, что он хотел бы нанести визит королеве Виктории. Соответствующее приглашение было тотчас получено. 31 мая 1844 г. император со свитой высадился в Вульвиче.

Визит не был надлежащим образом подготовлен, словно Николай I хотел застать англичан врасплох. Подобная неожиданность обеспечивала царю большую безопасность, поскольку после 1830 г. в Англии нашли приют множество поляков, питавших лютую ненависть к российской короне и способных совершить покушение на жизнь самодержца.

Николай I прибыл в Англию инкогнито, под именем графа Орлова, и остановился в здании русского посольства. Для него были приготовлены роскошные покои, но царь, ведший спартанский образ жизни, приказал устроить ему постель на кожаном тюфяке с соломой, который он повсюду возил с собой. Даже тогда, когда королева Виктория и принц Альберт уговорили «инкогнито» из Петербурга перебраться в Виндзорский замок, Николай не изменил тюфяку.

Мало для кого было секретом, что русский царь прибыл в британскую столицу. Его видели, когда он посетил зоологический сад; бурно обсуждался и заказ, сделанный Николаем ювелирам с лондонской Бонд-стрит: царь намеревался получить драгоценностей сразу на 5 тыс. фунтов стерлингов! Подлинный фурор произвел костюм «графа Орлова», точнее, его белоснежные кавалергардские лосины. Царь держался открыто, дружелюбно, но в день, когда он посетил традиционные скачки в Аскоте, в Холборне состоялась оскорбительная антирусская демонстрация. Виктория организовала смотр войск в Виндзорском парке, ежедневно давала в его честь обеды в знаменитом зале Ватерлоо, где стены были увешаны портретами героев войны, а столы сервированы золотой посудой английских королей [208, с. 46].

Виктория, сначала сильно настроенная против русского императора, не могла не признать его воспитанность и любезность. На королеву и ее приближенных российский император произвел ошеломляющее впечатление. 48-летний император был высокого роста, крепкого телосложения, обладал красивой внешностью и громовым голосом. 4 июня 1844 г., после знакомства с Николаем, Виктория написала бельгийскому королю

Леопольду: «Огромное событие и большая честь для нас — его визит к нам. Народ здесь чрезвычайно польщен этим. Он, конечно, производит сильное впечатление: еще очень привлекателен, его профиль прекрасен, а манеры полны достоинства и грации, чрезвычайно учтив и держит в напряжении, так как полон внимания и вежливости. Но выражение глаз — пронизывающее, и я никогда не видела ничего подобного» [208, с. 45].

При обсуждении внешнеполитических вопросов всех поразила неискушенность царя в тонкостях европейской дипломатии и та прямота, с которой он говорил о враждебности Англии и презрении к Турции. В результате путем обмена письмами между К.В. Нессельроде и Дж. Г. Абердином удалось заключить подобие консультативного соглашения о разделе Османской империи, из числа участников которого исключалась Франция. Это соглашение являлось исключительно секретным. Британское правительство откликнулось на инициативу Николая I в расчете, что крушения Турции не произойдет, тем более что в документах декларировалось желание императора, чтобы Османская империя сохранялась «в нынешнем виде» [209, 141].

Царь предполагал, что британское правительство согласится проводить политику, в равной мере устраивающую обе страны, но он заблуждался. Его дипломатические усилия не увенчались успехом, и вскоре после отбытия Николая из Англии о нем заговорили как о новом Атилле, а русских начали сравнивать с безжалостными гуннами, стремящимися завоевать весь мир [210, с. 457].

В 1853 г., сознательно пойдя на обострение конфликта с Османской империей, Николай I допустил серьезный просчет. Конечно, как православный государь он испытывал чувство долга: защитить интересы православной церкви в Святых местах. Как отмечал Н.Я. Данилевский, «само требование Франции (передать ключи от Вифлеемского храма католикам. — *Н.Т.*) было не что иное, как вызов, сделанный России, не принять которого не позволяли честь и достоинство. Этот спор о ключе, который многие представляют себе чем-то ничтожным... имел для России, даже с исключительно православной точки зрения, гораздо более важности, чем какой-нибудь вопрос о границах» [207, с. 53]. Однако долг политика обязывал Николая просчитать расстановку сил. Этого император не сделал, ошибочно полагая, что западные державы, ослабленные революциями 1848—1849 гг., не станут вмешиваться в конфликт и не пойдут на нарушение «европейского концерта». Можно сказать, что Николай остался таким же, каким он был в 1830 г., и его слова, сказанные после Июльской революции, полностью соответствовали его мироощущению в 1853 г. Тогда Николай, верный легитимистским принципам, заявил: «Вот моя исповедь, она серьезна и решительна. Она ставит нас в

новое и изолированное, но, осмелюсь сказать, почтенное и достойное положение. Кто осмелится нас атаковать? А если и осмелится, то я найду надежную опору в народе, который смог бы оценить такую позицию и наказать, с Божьей помощью, дерзость агрессоров» [207, с. 135].

Что особенно важно, царь недооценил степень заинтересованности европейских держав в Восточном вопросе. Между тем, Наполеон III увидел в войне возможность покончить с изоляцией Франции и ослабить Россию. Пальмерстон же искал предлог, чтобы раз и навсегда не допустить Россию к Проливам [211, с. 80].

Без сомнения, русский император выбрал не лучшее решение. Однако «ошибочность» его выбора выявилась лишь «задним числом», в ходе сложного развития событий. Предвидеть и точно рассчитать исход дипломатической игры, было выше человеческих сил. Во всяком случае, выше провидческих дарований Николая I и других европейских лидеров.

Раздел 6. Финал

6.1. Революция 1848 г. и отречение Луи-Филиппа

Еще Геродот говорил, что о человеке, государственном деятеле можно судить только в финале его политической карьеры. А финал у обоих политиков был трагический. Луи Филипп пришел к власти в результате революции и революция его низвергла с престола. Восшествие Николая было омрачено восстанием декабристов, а закончилось Крымской войной. При этом многие современники считали, что не случись Крымской войны, восприятие и оценка царствования Николая I могли бы быть совсем иными.

Оба они устали. У Луи-Филиппа это проявилось, когда он отказался защищать свою власть и корону в дни Февральской революции, у Николая I — когда он отказался бороться за жизнь на фоне неудач Крымской войны.

Если Николай устал от жизни и власти, то и с Луи-Филиппом произошло нечто подобное. Он отказался от борьбы за власть в феврале 1848 г. и, как отмечали современники, впервые в своей жизни проявил малодушие и трусость. 24 февраля 1848 г. Луи-Филипп после продолжительных колебаний подписал отречение от престола в пользу своего внука, графа Парижского, однако это не спасло режим: во Франции была провозглашена республика.

В Россию известия о начале новой революции во Франции пришли 22 февраля 1848 г., в день бала у наследника, завершающего Масленую неделю. Среди разных версий самой распространенной и быстро разошедшейся по Европе стала такая: «Залы были наполнены как блеском огней, так и блеском туалетов; взгляд на беззаботную танцующую массу людей мог породить уверенность, что находишься в вечном царстве мира и счастья. Но вдруг раскрываются двери шумной залы; взоры всех устремляются туда, и через дверь выходит на середину залы император, с сумрачным видом, с бумагой в руке, подает знак, музыка обрывается на полутакте, и танцующее общество... замирает в безмолвной неподвижности. После нескольких секунд боязливого ожидания услышали, как государь громовым голосом сказал: «Седлайте своих коней, господа! Во Франции провозглашена республика!»» [17, с. 489].

В петербургском обществе показалось, что в мирную обстановку ворвался 1789 год. Этот момент Николай и счел началом «борьбы между справедливостью и силами ада». Однако его немедленный порыв отправить армию к границам Франции был остановлен разумным доводом: у России нет таких денег, чтобы воевать в Европе. Пример антинаполеоновской коалиции, на который ссылались Николай и его любимый фельдмаршал Паскевич, не годился. Тогда деньги давала Англия, а теперь, уверяли трезвые головы, «не дадут ни гроша» [11, с. 577].

Пришлось искать компромисс между духом Священного союза и современной политической реальностью. Было решено сдерживать революционный пожар, не давая ему распространяться по Европе. «Я хотел бы оставить французов истреблять друг друга сколько им угодно, — пояснял свой отказ от агрессии Николай, — мы же должны ограничиваться тем, чтобы помешать им распутаться, и подавлять всякие попытки революции в Германии» [11, с. 279]. Тем не менее весной 1849 г. Николай двинул русскую армию в Европу.

Революционные события 1848 г. во Франции не явились для русского монарха неожиданностью. Падение Луи-Филиппа подтвердило его прежние предположения. Получив известие о революции во Франции, Николай испытывает и ироничное удовлетворение, и вещий страх. Ему не может не импонировать, что «узурпатора» Луи-Филиппа изгнали с трона, он аплодирует энергичным мерам Кавеньяка против повстанцев на баррикадах, но боится, как бы эта либеральная болезнь не перешла границ. «Луи-Филипп получил по заслугам, — заявляет Николай своему окружению — Он вышел через ту же дверь, через которую вошел». Царь уверяет генерала Леффло, которого прислал

Кавеньяк, что Россия готова признать новый режим Франции и сотрудничать с ним для поддержания мира в Европе. Но о своих истинных чувствах пишет прусскому королю: «Вот торжественный момент, который я предрекал в течение 18 лет; революция возродилась из пепла, и неминуемая опасность угрожает нашему общему существованию» [10, с. 185].

Европейские революции 1848—1849 гг. вызвали состояние, названное современным историком М. М. Шевченко «охранительной тревогой» [198, с. 142]. Даже либеральный критик Виссарион Белинский «принял известие о революции 48 года в Париже почти с ужасом» [199, с. 363].

Вечером 22 февраля у цесаревича государь обратился к присутствовавшим со словами: «Ну, что скажете? Итак, комедия разыграна и окончательно довершена. Вот уже 18 лет меня принимают за слабоумного, когда я говорю, что отмиение будет на этом свете, и тем не менее мои предчувствия скоро сбудутся... Он выходит через ту же дверь, откуда зашел» [72, с. 574]. Наследник престола, как отмечал Шильдер, «со своей стороны заметил, что если вообще нечего много жалеть Людовика-Филиппа, то важен тут *«le principe»*, и отвратителен тот вандализм, с которым французы посягнули на истребление королевских дворцов, галерей и проч.» [72, с. 574].

В тот же день Николай пригласил к себе французского поверенного в делах Мерсье, которого очень жаловал. Принимая его, уже как частное лицо, государь, не стесняясь, откровенно высказал ему свои мысли о Луи-Филиппе, сводившиеся к тому, что Июльская монархия разрушилась так же, как и возникла, путем революции.

Тогда же все находившиеся в Петербурге французы были собраны к шефу жандармов графу А.Ф. Орлову. Именем государя он передал им, «что они будут продолжать пользоваться прежним покровительством нашего правительства, разумеется, при соблюдении с их стороны совершенной тишины и спокойствия, но что, впрочем, каждому из них, кто пожелает, предоставляется право выехать из России» [72, с. 575].

Революция во Франции вызвала толки среди народа и простых солдат, которые по-своему старались объяснить смысл совершившихся событий. Шильдер приводит такое толкование революции, придуманное солдатами: «Государь наш, — говорили они, — дал французскому королю денег взаймы. Наступил срок уплаты; король не платит. Нечего делать, государь пишет, пишет, а все толку нет; вот напоследок он и велел написать французскому народу, что, дескать, ваш король занял у меня деньги, и срок прошел, а

уплаты все нет... И народ рассудил, что государь требует дело, и приступил к своему королю: заплати да заплати, а король взял да и убежал с деньгами. Вот народ и рассердился, что король такой неверный в своем деле; потолковали промеж себя и положили распубликовать его по всей земле, сделали республику» [72, с. 576].

Как отмечал Шильдер, «Благоразумие и государственная предусмотрительность одержали верх в уме государя над этими порывами личного мужества, направленными к бескорыстному поддержанию законного порядка в Европе. Он остановился на том, чтобы отнюдь не предпринимать ничего против Франции, ни против других государств, пока они будут ограничиваться одними внутренними своими делами, но быть готовым на случай, если бы действия их нарушили внешний мир. Руководствуясь этими соображениями, император Николай Павлович предназначил выдвинуть с весны сильную армию к нашим западным границам. В этом смысле посланы были инструкции нашим дипломатическим представителям за границей» [72, с. 577]

Н. Д. Киселеву было предписано покинуть Париж, однако он на свой страх и риск решил остаться и продолжил контакты с французским послереволюционным правительством. Российским консулам и консульским агентам было предписано остаться во Франции в целях «покровительства российским подданным, особенно в делах торговли и мореплавания» [200, л. 1]. Кроме того, в отношении французских консулов и консульских агентов, пребывающих в России, предписывалось «признавать их, как прежде, в их звании и оказывать им в случае надобности содействие». Также оговаривалось, что на французские торговые суда продолжало распространяться действие русско-французского трактата о торговле и мореплавании, и они допускались в российские порты [200, л. 1 об.].

Сам Николай с гордостью относил себя к тем монархам, которых называл «государями-консерваторами». В начале 1848 г., накануне Февральской революции во Франции, Европа, говоря его словами, представляла «колоссальную картину все возрастающего потрясения». Тогда император отметил в своем аналитическом обзоре некоторые заслуги свергнутого короля баррикад Луи-Филиппа в борьбе с революционным движением. В то же время он считал, что последний все же не может быть «причислен к разряду государей-консерваторов, так как если он и может искренне разделять их взгляды, он не может обладать их властью» [14, с. 14].

При содействии английского консула королевская семья, за исключением герцогини Орлеанской и ее детей, бежала в Англию, без денег и даже без сменной

одежды. Во Франции это было воспринято именно как бегство; Луи Филиппа, который не раз доказывал свою храбрость и который отнюдь не был трусливым человеком, французы осуждали. Уже после революции Луи-Филипп в беседе с одним журналистом говорил, что он посвятил свое царствование попыткам обуздать революционный дух и в то же время гарантировать постепенное развитие принципов 1789 г. Он полагал, что если бы реформаторское движение восторжествовало, то к власти пришли бы революционные силы, которые ввергли бы Европу в войну; он предпочел отречься от престола, но не становиться королем революции. Он не прибег к силе, ибо испытывал перед гражданской войной такой же страх, как перед войной международной.

В Великобритании королевскую семью приютил зять Луи-Филиппа, бельгийский король Леопольд, предоставивший в распоряжение королевской семьи свой замок в Клермонте. Королева Виктория была раздражена на Луи Филиппа из-за дела об «испанских браках», в котором в результате сложных дипломатических манипуляций победу, правда, как показало ближайшее время, мнимую, одержала Франция. Виктория, подстрекаемая Пальмерстоном и Расселом, некоторое время даже колебалась относительно самой возможности пребывания Луи-Филиппа на английской земле.

Луи-Филипп прожил в замке Клермонт до конца своей жизни. В восемь часов утра 26 августа 1850 г. он тихо скончался. 2 сентября его похоронили в частном склепе на кладбище Вейбриджа. 9 июня 1876 г. останки Луи Филиппа и его супруги, пережившей мужа на шестнадцать лет, были перевезены из Англии и перезахоронены в королевской часовне Сен-Луи в Дре, в департаменте Ор-и-Луар.

6.2. Крымская война и смерть Николая I

С годами у Николая Павловича накопилась моральная и физическая усталость от власти, от тяжких обязанностей, постоянного давления монаршего долга. Мотивы жалоб по поводу последнего все чаще начинают звучать в разговорах императора с близкими людьми. «Не сам взял я то место, на котором сижу, его дал мне Бог, оно не лучше галер, но я защищал бы его до последней степени». «Вот скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто удаются такие дни, что я, смотря на небо, говорю: зачем я не там? Я так устал» [7, с. 194].

Для Николая I все перечеркнула Крымская война, ставшая трагедией, своеобразным водоразделом для самой России, и катастрофой лично для Николая, поскольку оказалась разрушена вся система взаимоотношений, существовавшая в Европе

с 1815 г. и так трепетно и старательно поддерживаемая Николаем. Война показала и слабость самой России, и неготовность бороться с мощной коалицией.

Как и Луи-Филипп, Николай был не готов к компромиссам, и отстаивал свои внешнеполитические взгляды до конца. В результате к началу 1850-х гг. внешняя политика России вызывала неприязнь сразу у четырех крупнейших и влиятельнейших европейских государств: Великобритании, Франции, Австрии и Пруссии. Так круг друзей стал кольцом соседей [11, с. 285]

Для Николая Павловича все события, связанные с Крымской войной, стали огромной трагедией. Только недавно, в 1850 г., он сам и вся страна торжественно отметили 25-летие его царствования. По этому случаю были представлены блестящие отчеты из всех сфер жизни, в том числе о том, какая в России замечательная армия, какие действенные судебные установления, как страна прекрасно управляется, как благоденствуют ее жители, в том числе крепостные крестьяне. И вдруг такой афронт! [22, с. 3]

Вполне возможно, что именно нравственное потрясение и психологический шок стали причиной его преждевременной кончины 18 февраля 1855 г. Во многом была права А.Ф. Тютчева, рассуждая о причинах неожиданной и преждевременной смерти императора: «Нет никакого сомнения, что его убили последние политические события и не столько война и ее неудачи, сколько озлобление и низость не только его врагов, но и тех, в ком он видел своих друзей и союзников, на кого он считал себя вправе рассчитывать и ради кого он часто, вопреки собственным патриотическим чувствам приносил в жертву даже интересы своей родной страны» [43, с. 738]. Ведь в начале Крымской войны Николай Павлович ждал ответных шагов от своих союзников и прежде всего от Австрии — таких, какие бы предпринял сам в силу своего характера и принципов, забывая, что благодарность в политике — удел дилетантов [43, с. 737-738].

Итак, война, поражение, болезнь и скоропостижная смерть — итог биографии Николая Павловича. Революция, отречение от престола, бегство в Англию и скорая смерть — финал карьеры Луи Филиппа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российско-французские интеллектуальные связи можно назвать в прямом смысле слова историческими — это и традиционные контакты в области культуры, и влияние французской литературы и культуры на российскую интеллигенцию того времени, и роль французского языка в образованном российском обществе [1, с. 5]. И, хотя часто говорят о том, что пиком отношений России и Франции был XVIII век, и XIX столетие не уступало своему предшественнику.

Более того, именно в XIX в. выявилась, на первый взгляд, парадоксальная особенность: большая, унесшая огромное число жизней с обеих сторон, принесшая разорение и экономический упадок война между Россией и Францией (Отечественная война 1812 г.) не привнесла с собой, однако, в русское общество настроений франкофобии. Вот вопрос, над объяснением которого еще предстоит думать и психологам, и историкам [1, с. 6].

Россия в годы царствования самодержавного государя Николая Павловича и Франция в эпоху правления конституционного короля Луи-Филиппа. Между этими режимами было противостояние, жесткое, порой на грани конфронтации, прежде всего, со стороны Николая. Но это и период взаимодействия русского самодержавия и французского либерализма. В двусторонних отношениях это был первый опыт такого сложного и противоречивого взаимодействия.

На первый взгляд, русское самодержавие и французский либерализм в годы Июльской монархии, это две противоположности. Но это только на первый взгляд. Самодержавие, готовое пойти на реформы, пусть и ограниченные, умеренные и осторожные. Но и либерализм Июльской монархии, названный по имени правящей Орлеанской династии орлеанизмом — это яркий пример либерализма умеренного, это вариант либерально-консервативного синтеза. В этом отношении изучение опыта взаимодействия двух политических режимов и идеологий, прослеживание эволюции в этих отношениях, исследование пути от непризнания к признанию и взаимодействию представляется весьма важным.

Каковы результаты деятельности монархов в исторической перспективе? Весьма достойные, если говорить кратко. Процессы, происходившие во время царствования Николая I, им в значительной степени инициированные, способствовали созданию экономических основ нового общества, складыванию русской национальной культуры. Царствование Николая I подготовило грядущие реформы после Крымской войны, когда дворянство и правящая элита страны оказались готовы поступиться рядом своих

корпоративных преимуществ во благо России [43, с. 738]. Умеренный консерватизм Николая I, выступавшего за «реформы сверху», способствовал этому эволюционному процессу [20, с. 62]. В годы правления Луи-Филиппа были заложены основы современной Франции. Конституционализм, парламентаризм, правовые нормы, которые Франция практикует по сию пору, своими корнями уходят в годы Июльской монархии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. - М.: ИВИ РАН.- 2013. – 387 с.
- 2 Greville Ch. Les quinze premières années de regne de la reine Victoria. P.- 1889.
- 3 Гюго В. Отверженные // Гюго В. Собрание соч. в семи томах. М.: Московский рабочий. - 1995.
- 4 Шатобриан Р. Ф. де. Замогильные записки. - М.: Изд-во Сабашниковых. - 1995. – 736 с.
- 5 Lucas-Dubreton J. Louis-Philippe. - P.- 1938.
- 6 Antonetti G. Louis-Philippe. - P.: Fayard - 2002.- 996 p.
- 7 Ляшенко Л.М. Николай I. Случайный император. - М.: АСТ-ПРЕСС.- 2013. – 224 с.
- 8 Николай I: pro et contra. Антология. СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 9 Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. V. - М.: Мысль, 1989. – 479 с.
- 10 Труайя А. Николай I. - М.: Эксмо, 2003. – 224 с.
- 11 Олейников Д. Николай I. - М.: Молодая гвардия, 2012. – 339 с.
- 12 Щербакова Е. Нянюшкины сказки // Родина. - 2013. - № 3.
- 13 Сборник ИРИО. Т. 98. - СПб., 1896.
- 14 Выскочков Л. Человек в мундире. Николай I - “консерватор с прогрессом»? // Родина.- 2013. - № 3.
- 15 Bertaut J. Louis-Philippe intime. P.: Le livre club du libraire, s.a, 246 p.
- 16 Гюго В. Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007 — с.
- 17 Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. - М.: Захаров, 2010. – 720 с.
- 18 Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX века // Николай I: pro et contra. Антология. СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 19 Ревякин А.В. Французские династии: Бурбоны, Орлеаны, Бонапарты // Новая и новейшая история. - 1992.- № 4.
- 20 Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: pro et contra (зеркало для героя) // Николай I: pro et contra. Антология.- СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 21 Louis Philippe. Récées et opinions de Louis Philippe sur les affaires de l'état. P., 1850.
- 22 Мироненко С.В. Тридцать лет одиночества // Родина. - 2013. - №. - 3.
- 23 Ружицкая И.В. законодательная деятельность в царствование императора Николая I // Николай I: pro et contra, антология. - СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 24 Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827-1869. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. - М.: Российский фонд культуры; Государственный архив РФ, 2006. – 706 с.
- 25 Тарле Е.В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842—1847 гг. // Тарле Е.В. Сочинения в 12-ти т. – М.: Издательство Академии Наук СССР. - Т. 4.
- 26 Выскочков Л. Человек в мундире. Николай I - “консерватор с прогрессом»? // Родина. - 2013. - № 3.
- 27 Зелдин Т. Франция. 1848—1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. – 671 с.
- 28 Французские короли и императоры. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. – 576 с.
- 29 Broglie G. Guizot. - P.: Perrin, 1990. – 549 p.
- 30 Черников Г.П. Экономика Франции: традиции и новейшие тенденции. - М.: РОССПЭН, 2002. – 416 с.
- 31 Асслэн Ж.-Ш. Экономическая история Франции с XVIII века до наших дней. М.: Интратэк-Р, 1995. - 247 с.

- 32 Beltran A. et Griset P. La croissance économique de la France 1815—1914. - P.: Armand Colin, 1988. – 189 p.
- 33 Caron F. Histoire économique de la France XIXe—XX e siècles. - P.: Armand Colin, 1981. - 320 p.
- 34 Сын отечества. № 11—12. - 1842. - Ноябрь.
- 35 Вызинский Г. Защитники парламентаризма и оппозиционная литература во Франции // Русский вестник. - 1858. - Т. 17. - Кн. II.
- 36 Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. V. 1—8. – P.: Michel Levy, 1858—1867.
- 37 ЛависсЭ., Рамбо. История XIX века. М., 1938.
- 38 Ponteil F. Les institutions de la France de 1814 à 1830. - P.: Presse univ., 1966. – 489 p.
- 39 Remond R. La vie politique en France. 1789—1848. - Т. 1-2. - P.: Colin, 1965.
- 40 Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. - М.: Дрофа, 2005. – 481 с.
- 41 Фредерикс М.П. Из воспоминаний // Николай I. Портрет на фоне империи. - М.: Фонд Сергея Дубова, 2011. – 520 с.
- 42 АВПРИ. - Ф. 187. Посольство в Париже. 1835-1838. - Оп. 524. - Д. 121.
- 43 Выскочков Л.В. Николай I (фрагмент) // Николай I: pro et contra, антология. - СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 44 Бре О. де. Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra, антология. - СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 45 Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. 1842-1843 // Николай I: pro et contra, антология. - СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 46 Broglie G. L'Orleanisme. La ressource libéral de la France. - P.: Perrin, 1981. – p. 415 p.
- 47 Чернышевский Н.Г. Июльская монархия. ПСС. - М.: Гослитиздат, 1939—1953, Т. VII. – М., 1950.
- 48 АВПРИ. - Ф. 133. Канц. МИД. - Оп. 469. - Д. 144 (1834).
- 49 Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. V.1—4. P.: Charpentier, 1875—1876.
- 50 ГА РФ. - Ф. 109. - Оп. 4 а. - Д. 60.
- 51 Таньшина Н. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. - М.: Изд-во научно-образовательной литературы РЭА, 2000. – 240 с.
- 52 Эвальд А.В. Воспоминания [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М., сор. 1990. – Режим доступа: http://gatchina3000.ru/literatura/evald_a_v/index.htm
- 53 Сын Отечества, 1842 - № 10.
- 54 АВПРИ. - Ф. 133. Канц. МИД. - Оп. 469. - Д. 144 (1834).
- 55 АВПРИ. - Ф. 133. Канц. МИД. - Оп. 469. - Д. 145 (1834).
- 56 Rémond R. La droite en France. De la premiere Restauration à la V-em République. P.: Aubier, 1963. – 414 p.
- 57 Соколова А.И. Император Николай и васьковские дурачества // Николай I: pro et contra, антология. - СПб.: НОКО, 2011 – 966 с.
- 58 Мильчина В. Париж в 1814—1848 годах. Повседневная жизнь. М.: НЛО.- 2013. – 944 с.
- 59 Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838-1839 гг. // Литературное наследство. – М.: Жур.- газ. объединение, 1937. - Т. 31/32. – 1028 с.
- 60 АВПРИ. - Ф. 133. - Оп. 469. - Д. 134.
- 61 Apponyi R. Vingt-cinq ans à Paris (1826—1850). Journal du compte Rodolphe Apponyi, attaché de l'ambassade d' Autriche à Paris. Т. 1-4. - P., 1913.
- 62 ГАРФ. - Ф.109. - Оп. 4 а. Д. 60.
- 63 Рэй М.-П. Александр I. - М.: РОССПЭН, 2013. – 496 с.

- 64 Воспоминания барона Бургозна // Отечественные записки, 1864. - Т. 157. - № 12.
- 65 Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831-1863 г. Вильна: тип. Р. М. Ромма, 1866. - 412 с.
- 66 АВПРИ. - Ф. 133. - Оп. 469. Д. 211.
- 67 АВПРИ. - Ф. 182. - Оп. 783. - Д. 11.
- 68 Мазон А. Князь Элим // Литературное наследство. - М.: Жур.- газ. объединение, 1937. - Т. 31/32. - 1028 с.
- 69 Capefigue J.-B. Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. Т. 1—2. - Bruxelles, 1836.
- 70 Broglié duc de. Souvenirs. 1785—1870. Т. 1—4. - Paris: Calman Levy, 1886.
- 71 Письма Шопена. М., 1929.
- 72 Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827—1869. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. - М.: Российский фонд культуры; Государственный архив РФ, 2006. - 706 с.
- 73 Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1887. - 657 с.
- 74 Строев В.М. Париж в 1838 и 1839 годах. Ч. 1—2. - СПб., 1841.
- 75 Погодин М.П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник. Ч. 1—4. - М.: Университетская типография, 1844.
- 76 Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. - М.: Жур.- газ. объединение, 1937. - Т. 31/32. Русская культура и Франция. - 1028 с.
- 77 АВПРИ. - Ф. 133. - Оп. 469. - Д. 161.
- 78 Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. - М.: Наука, 1975. - 440 с.
- 79 АВПРИ. - Ф. 187. - Оп. 524. - Д. 116.
- 80 АВПРИ. - Ф. 137. - Оп. 475. - Д. 9.
- 81 Le Moniteur universel. - 1840. - 18 novemvre.
- 82 Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. Т. 1—4. - Paris: Charpentier, 1875—1876.
- 83 Le Moniteur universel - 1840.- 29 novemvre.
- 84 АВПРИ.- Ф. 133. - Оп. 469. - Д. 169.
- 85 La Réforme.- 1846. - 8 décembre.
- 86 Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30-40-ые годы XIX в.). - М.: Наука, 1980. - 328 с.
- 87 Le Moniteur universel. - 1840. - 19 novemvre.
- 88 Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. - М.: Жур.- газ. объединение, 1937. - Т. 31/32. - 1028 с.
- 89 Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1—2. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- 90 Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. - СПб.: Гиперион, 2004. - 528 с.
- 91 Мещерский А.В. Из моей старины // Николай I. Портрет на фоне империи. - М.: Фонд Сергея Дубова, 2011. - 520 с.
- 92 Duez Ch. Critique des Mystères de la Russie et de l'ouvrage de M. de Custines: La Russie en 1839, suivie de l'extrait du voyage de l'empereur. Paris, 1844.
- 93 Житомирская С. Голос с того света // Тургенев Н. Россия и русские. Пер. с фр. и статья С.В. Житомирской. - М.: ОГИ, 2001. - 742 с.
- 94 Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. - М.: ИВИ РАН.- 2013. - 387 с.
- 95 Жерихина Е.И. Французский мир Санкт-Петербурга. - СПб.: Росток, 2015. - 608 с.

- 96 Barante P. de. Souvenirs du Baron de Barante. 1782-1866. Т. 1-8. - Р.: Calmann Levy, 1895.
- 97 Соловьев Д. Верне О. Живописец трех императоров // Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. . - М.: РОССПЭН, 2008. – 175 с.
- 98 Верне О. При дворе Николая I: Письма из Петербурга. - М.: РОССПЭН, 2008. – 175 с.
- 99 Томашевский Б. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. - М.: Жур.- газ. объединение, 1937. - Т. 31/32. Русская культура и Франция. – 1028 с.
- 100 Нечаева В.С. Французская литература и П.А. Вяземский в преддекабрьскую эпоху // Литературное наследство.- М.: Жур.- газ. объединение, 1937. - Т. 31/32. Русская культура и Франция. – 1028 с.
- 101 АВПРИ. - Ф. 184 Посольство в Лондоне. - Оп. 520. - Д. 39.
- 102 Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838-1839 гг. // Литературное наследство. - М.: Жур.- газ. объединение, 1937. - Т. 31/32. Русская культура и Франция. – 1028 с.
- 103 Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или как возник «весь Париж». - М.: Тип. им. Сабашниковых, 1998.- 480 с.
- 104 Черкасов П.П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856-1863) - Россия и Франция. XVIII – XX века, вып. 8. - М: Наука, 2008.- 364 с.
- 105 Barante P. de. Notes sur la Russie. Р., 1875.
- 106 La Réforme. - 1845. - 24 novembre.
- 107 Черкасов П.П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. - 2009. - № 3
- 108 Черкасов П.П. Я.Н. Толстой во Франции: период эмиграции (1826-1836) // Россия и Франция. XVIII—XX века. Вып. 7. – М.: Наука. – 405 с.
- 109 Сперанская Н.М. Шарль де Сен-Жюльен — французский журналист в России // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века. - М.: ИВИ РАН.- 2013. – 387 с.
- 110 Хартанович М.Ф. Французские ученые на службе в России и в Императорской Академии наук в первой половине XIX в. // Санкт-Петербург-Франция. - СПб.: Европейский дом, 2010. - 667 с.
-

К выборам генеральных и окружных советов, наряду с цензовыми избирателями, были допущены так называемые таланты, или способные, а к муниципальным выборам еще более широкие слои средней и мелкой буржуазии. Корпус муниципальных избирателей увеличился до 2,9 млн человек.